

ТЯЖЕЛЫЙ СВЕТ КУРТЕЙНА
— Желтый —

ПЯКС

РАИ

18+

Тяжелый свет Куртейна

Макс Фрай

Тяжелый свет Куртейна. Желтый

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Фрай М.

Тяжелый свет Куртейна. Желтый / М. Фрай — «Издательство АСТ», 2019 — (Тяжелый свет Куртейна)

Это вторая часть большой трилогии о людях, духах, котах, полицейских, ангелах, морях и трамваях города Вильнюса и его изнанки. Или же просто второй слог заклинания, при помощи которого можно открыть если не сияющие небеса, то как минимум путь в свой личный, вместе с раем утраченный миф.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Фрай М., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Луч ярко-желтого цвета /#fee715/	6
Жанна	6
Я	12
Тони, Тони, и все, и еще	16
Квитни	19
Кара	23
Эдо	28
Альгирдас	32
Люси	38
Эва	44
Луч сигнального желтого цвета /#f9a800/	50
Стефан	50
Квитни	54
Я	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Макс Фрай

Тяжелый свет Куртейна. Желтый

Dajte Juri slanine,

Da vam tjera vuka s planine!¹

¹ Перевод: Дайте Юрию сала, чтобы он вам прогнал волка с гор! (хорватский). Одна из хорватских песен в честь Весеннего Юрьева дня.

Луч ярко-желтого цвета /#fee715/

Жанна

Явное становится тайным, явное становится тайным! – вот что крутилось весь вечер у нее в голове. Простой, в сущности, перевертыш, но Жанну эта фраза натурально окрыляла, как всякая веселая глупость, которую она, зная себя, была совершенно уверена, не способна придумать, а значит, свалившаяся на нее – с неба, не с неба, поди пойми откуда, но – сама, факт. От таких условно небесных глупостей у Жанны неизменно поднималось настроение, а в заднице заново – всякий раз заново! – рождалось то самое вдохновенное шило, ради которого имело смысл быть Жанной все остальное время, то есть в промежутках между проявлениями этого божественного шила, божественными шилоявлениями; смешно, конечно, но нет, не смешно.

Жанна знала, что просто сидеть, наслаждаясь этим счастливым внутренним звоном, последнее дело, деньги на ветер. Вдохновенное шило требует немедленных действий, таких же вдохновенных, необязательных и дурацких, как оно само. Будешь бездельничать, шило истончится, растает, рассеется, не оставив по себе даже мало-мальски внятных воспоминаний – о чем вспоминать, если ничего толком не было? И нескоро вернется, живи потом, как дура, без него. А потраченное с толком возвращается быстро, с процентами; чем больше потратишь, тем больше наваришь, такой удивительный парадокс.

Поэтому Жанна легко и быстро (очень условно быстро и еще более условно легко) одолела естественную лень, охватывающую всякого нормального человека, поставленного перед перспективой добровольно выйти на улицу поздним ноябрьским вечером. Лень такого рода больше похожа на инстинкт самосохранения; настолько похожа, что, возможно, это он сам и есть, но к черту инстинкты, человек – существо слишком сложное, чтобы позволить себе их иметь.

Сложное существо человек натянуло на свою нижнюю половину сложную же конструкцию под названием «колготки»; верхней половине досталась конструкция попроще, под названием «платье-мешок». Это гениальное изобретение неизвестного милосердного портного примирает одновременно с целой кучей неприятных вещей: с первыми ноябрьскими холодами, подлинный ужас которых заключается в том, что они – только начало, обещание долгих будущих холодов; с наличием живого трепетного тела, наделенного досадной способностью от них страдать; с необходимостью паковать себя в чертову прорву тряпок и с общей нелепостью мироустройства в целом, зачем-то включающего все вот это вот.

– Я ненадолго, – сказала она Шерри и Черри. Дочка флегматично угукнула из своей комнаты, не отрываясь от мотка толстой проволоки, который по удивительному стечению обстоятельств был ее домашним заданием по скульптурному моделированию. Кошка недоверчиво дернула ухом, дескать, знаю я твое «ненадолго», небось опять на полдня уйдешь. И была неправа: Жанна планировала провести на улице не больше часа. Для долгих прогулок погода немного не та.

Надела коричневый пуховик с меховой оторочкой на капюшоне, хороший, в смысле качественный, теплый, но страшный, как конец времен. То есть не сам по себе страшный, просто на Жанне он смотрелся совершенно чудовищно, каким-то образом превращал ее в почти пожилую солидную тетку, на два размера больше, чем есть. Купила его год назад на распродаже, специально для этого. Чтобы казаться солидной неповоротливой теткой в годах, от которой настолько невозможно ожидать ничего из ряда вон выходящего, что если кто-то собственными глазами увидит, как она рисует на стенах или лезет через забор, все равно решит – померещилось. Плащ-невидимка, а не пуховик.

Шапка-невидимка у Жанны тоже была. Обычная вязаная шапка невнятного темно-бежевого цвета, можно сказать, цвета самой солидности, с оттенком приличия. Женщинам с бирюзовыми волосами такую в хозяйстве лучше иметь.

В последний момент спохватилась, разулась, пошла в свою спальню, порылась в шкапулке: сколько у меня еще глаз? Глаз осталось всего шесть штук, четыре зеленых, два светло-серых; маловато, но ладно, лучше, чем ничего.

Глаза были куплены еще летом, в китайском интернет-магазине, оптовой партией, то есть, сразу почти полкило. Они предназначались для самодельных кукол, поэтому были более-менее похожи на человеческие глаза. Немного неудобно, что не плоские на липучках, а со специальными стерженьками, так что на стену, например, не наклеишь. Но можно засовывать их в щели, вкапывать в землю на городских клумбах, цеплять к древесным ветвям, а еще ввинчивать в овощи и фрукты. Голубоглазый кочан капусты – зрелище для сильных духом, Жанна до сих пор гордилась этим изобретением. Впрочем, внимательно взирающие на окружающих апельсины и яблоки тоже вполне ничего.

Яблок в доме было с избытком; когда у тебя много подруг, и у каждой домик в деревне, это вполне неизбежно. Яблоки в здешних краях скорее напасть, чем благо – в том смысле, что осенью их становится некуда девать, сколько сока и компота ни заготавливай на зиму, яблоки неисчерпаемы, и тогда всякий человек, не обремененный своим яблоневым садом, становится крайне полезным знакомством. Очень много яблок можно такому бедолаге отдать. Жанна была этим самым полезным человеком без сада. И не умела отказывать людям, приходящим с дарами. Поэтому яблок у нее скопилось несколько больше, чем надо для счастья. И некоторые уже начали мрачно подгнивать.

В таких непростых обстоятельствах унести из дома три яблока – хороший, добрый поступок. Хотя три – это все-таки слишком мало. Но лучше, чем ничего, – думала Жанна, засовывая в карман пуховика яблоки. Два зеленоглазых в правый, сероглазое – в левый. Можно идти.

Все ноябрьские вечера по-своему хороши, но воскресный ноябрьский вечер, ветреный и сырой, прекрасен по-настоящему – в том смысле, что в городе, даже в самом центре не просто малоллюдно, а вообще никого, хоть документальное кино про камерный, тихий, гигиеничный конец человечества снимай.

Ладно, не так все страшно. То есть не настолько замечательно, как хотелось бы. Время от времени из тьмы все-таки возникают какие-то антропоморфные тени – одинокие пьяницы, злые духи, выскочившие за хлебом матери семейств, загулявшие ангелы с поникшими крыльями, владельцы собак, юные влюбленные пары, которым негде уединиться, и плохо проинструментированные перед полетом инопланетяне; последних выдают несовместимые с органической жизнью элементы гардероба, вроде босоножек и тряпичных летних панам. Впрочем, важно не это, а то, что вечерним воскресным прохожим обычно нет дела до того, что творится вокруг, так что можно не принимать их в расчет.

Можно-то можно, – думала Жанна, вынимая из кармана промышленный флуоресцентный мелок бледно-салатного цвета, – а все-таки лучше, чтобы никто меня не застучал. По стопонам надо посматривать, осторожность не повредит.

Первая надпись появилась в соседнем дворе, где и солнечными летними днями никто, кроме жильцов особо не ходит. Поэтому начинать – просто для разогрева – с него хорошо. «Явное становится тайным», – написала Жанна на асфальте крупными, по-детски кривыми буквами, почерк у нее всегда был не ах; по-хорошему, человеку с такой придурью следовало бы заняться каллиграфией, или хотя бы освоить самый простой чертежный шрифт но на это никогда не было времени, да и желания, честно говоря, тоже не было. Если уж Небесную Канцелярию я, криворукая, устраиваю, остальным тем более сойдет. Кто станет придирается к почерку, увидев в темноте загадочную мерцающую надпись, – думала Жанна, – сам дурак.

Вторую надпись Жанна сделала на новеньком строительном заборе, удачно возникшем на ее пути, третью – поперек тротуара на улице Раугиклос, такую размашистую, что последнее слово пришлось дописывать ниже, не уместилось в одну строку. Там же она оставила первое зеленоглазое яблоко – на капоте одного из припаркованных автомобилей, оранжевого ниссана-жука, очарованная его задорным цветом и наивной мордой.

Напоследок легонько щелкнула глазастое яблоко по звонкому спелому лбу, просто так, от избытка всего сразу – чувств, сил, эмоций и дури, конечно же, дури, как без нее – и пошла в направлении Старого города, стараясь не слишком подпрыгивать на ходу, просто ради спокойствия своего солидного гардероба, чтобы не зря старался, превращая в приличную женщину нелепое черт знает что. С близкими надо обходиться бережно. Даже когда эти близкие – шапка и пуховик.

Жанна была неудавшейся художницей, вполне удавшимся, судя по количеству довольных ею клиентов, бухгалтером, вот прямо сейчас понемногу, шаг за шагом удающимся ювелиром и ответственной за мелкие городские чудеса. Она сама себя на эту должность назначила за неимением соответствующего официального ведомства. Ну то есть как – назначила. Просто однажды решила, что теперь будет так.

Девять лет назад Жанна приехала в этот город к своему мертвому бывшему мужу; ну, то есть понятно, не к самому мертвецу, а в квартиру, по наследству перешедшую их общим детям. Приехала ненадолго, разобраться с бумагами, неожиданно для себя очаровалась городом и вдруг, как бы ни с того, ни с сего, решила: если уж все так сложилось, почему бы нам не попробовать здесь пожить? Родня и знакомые считали, что она чокнулась, если готова вот так, без оглядки, как в пропасть броситься неведомо куда; сама Жанна была с ними вполне согласна, но твердо стояла на своем. Потому что когда сама судьба предлагает: а давай-ка мы меня поменяем, – грех ее не послушать. Судьбе лучше знать. К тому же терять ей было, честно говоря, нечего. Ладно, почти нечего. Маленькое, жалкое, перепуганное «почти».

Первый год на новом месте дался ей нелегко. Во-первых, конечно, из-за мертвого мужа. Пока он жил где-то далеко и звонил только детям, Жанна думала, что давным-давно его разлюбила: бессмысленно продолжать любить человека, который сам, в здравом уме и твердой памяти от тебя ушел. Но когда он стал мертвым, с которого вроде бы никакого спроса, одна только растерянная благодарность за то, что вообще был, Жанна поняла, что до сих пор его любит, особенно когда он обнимает ее – не руками, но всем своим домом, ластится одеялами, щекочет сквозняками, касается губ кофейными кружками – и понемногу сходила с ума от этой явственной, почти физической близости с тем, кого больше нет.

Были, конечно, еще «во-вторых», «в-третьих», «в-четвертых», «в-пятых» и так далее, если не до бесконечности, то что-то вроде того. Все эти невыносимые хлопоты с переездом, устройством, документами, своими и детскими, многочисленными препятствиями, наименьшим из которых оказался языковой барьер, потому что в подавляющем большинстве случаев можно было обойтись русским или английским, а когда все-таки нельзя, просто заплатить за перевод. С одной стороны, дела отвлекали от невыносимой, ненужной любви к мертвому бывшему мужу; с другой, они сами по себе вполне могли свести с ума человека покрепче Жанны. А сходить с ума было нельзя, потому что – ну, в первую очередь, дети. Им тоже непросто. Когда так резко меняется сразу все, рядом должна быть веселая, бодрая, оптимистичная мама, а не очумевшее не пойми что.

Справиться Жанне помог сам город – деятельно, ежедневной поддержкой и заботой, как обычно помогают близкие люди, а не города. Прежде она и вообразить не могла, что бывают города, способные совершенно по-человечески, только с гораздо более мощным эффектом, успокаивать и утешать.

В первый же месяц обнаружилось, что стоит выйти на улицу – усталой, раздавленной, в полном душевном раздоре, с добрым десятком неразрешимых проблем в голове – пройти буквально пару-тройку кварталов, и сама не замечаешь, как выравнивается дыхание, выпрямляется спина, понемногу поднимается настроение, успокаиваются мысли, приходят решения, и обстоятельства складываются настолько удачно, насколько это вообще возможно, и еще чуть-чуть сверх того.

Бонусом ко всему этому прилагались вполне очевидные мелкие чудеса – то, что Жанна вслух называла забавными происшествиями, а наедине с собой – именно чудесами. Надписи на стенах так часто оказывались ответами на мучившие ее вопросы, от неопределенно-приятного обещания «Твоя жизнь будет счастливой» до очень конкретного совета «Позвони прямо сейчас», – что глупо было продолжать считать их просто случайными совпадениями; впрочем, Жанна и не думала так. Ну, может быть, в самом начале, да и тогда не то чтобы именно думала, просто никак не решалась поверить, будто весь мир – ладно, не мир, а город – говорит с ней человеческим языком, а когда слов оказывается недостаточно, ветром приносит в руки синюю бумажную птицу; оставляет на подоконнике третьего, на минуточку, этажа смешного керамического ангела; сталкивает нос к носу с другом юности, который здесь случайно, проездом, всего на четыре часа; подбивает уличных музыкантов играть ее любимые песни; окутывает таким густым туманом, что рук не видно, а купленную на ярмарке миску заворачивает в обрывок старой афиши того самого фильма, в котором она когда-то, вечность назад, в студенческие времена снималась в массовке и познакомилась с будущим мужем, натурально подмигивает – смотри-ка, что я о тебе разузнал!

Со временем жизнь, конечно, наладилась; строго говоря, она началась. Самая настоящая новая жизнь, как из книжки, даже более радостная и полная, чем Жанна себе представляла, когда рискнула ее изменить. По горло занятая работой, детьми, захваченная новыми друзьями и увлечениями, она не сразу заметила, что восхитительных мелких, необъяснимых, когда-то почти каждодневных чудес стало гораздо меньше. А когда наконец заметила, не то чтобы всерьез огорчилась, сама понимала – у меня теперь все в порядке, больше не нужно нянчиться и утешать – но, положив руку на сердце, все-таки огорчилась. Ей стало этого не хватать.

Однажды решила спросить его – город, как будто он был человеком – поздно вечером, в совершенно пустом переулке, где можно говорить вслух, не опасаясь, что кто-то услышит: «Ты меня вообще еще любишь?» – и почти сразу наткнулась на стену, сплошь исписанную граффити, где поверх множества пестрых бессмысленных надписей и неумелых рисунков красовалось старательно выведенное огромными синими буквами TAIP – в переводе с литовского «да», восемь штук восклицательных знаков и кривое зеленое сердце в нагрузку. Рассмеялась: «Спасибо, я тебя тоже!» – несколько дней натурально летала на крыльях этой счастливо разделенной любви, а потом вдруг совершенно всерьез задумалась, как его отблагодарить. Что вообще человек может сделать для целого города, если он при этом не мэр, не член какого-нибудь совета, не приглашенный начальством для консультаций специалист? Ничего не могла придумать, пока не зашла в дочкину комнату, где хранился целый мешок белых бумажных цветов, вырезанных для какого-то мероприятия в художественной школе, которое потом то ли отменилось, то ли резко сменило концепцию; в общем, цветы оказались не нужны, а сжечь их в камине рука не поднималась, все-таки дочкин труд. Тут-то Жанну наконец осенило, вернее, подхватило и понесло – таким мощным потоком, что сопротивляться было бесполезно, таким веселым, что она и не стала бы сопротивляться, даже если бы могла.

Восхищенно ужасаясь собственной дурости, Жанна весь вечер крепила к цветам толстые нитки и тонкую проволоку – черт его знает, что лучше держит, пусть будет и так, и так. Когда закончила, время уже приближалось к полуночи, но все равно сразу же, не откладывая на завтра, пошла в Старый город, там у нее на примете был один проходной двор, уютный, засаженный шиповником и спиреями, хорошо известный всем старожилам, с удовольствием срезаю-

щим через него путь. Это казалось важным – чтобы как можно больше свидетелей увидели покрытые цветами кусты и в первый миг поверили, будто они и правда зацвели в декабре. А разобравшись, поняли, что нашелся какой-то псих, не поленившийся битый час задубевшими на морозе пальцами аккуратно прикреплять к веткам бумажные цветы, что в общем-то тоже вполне себе чудо, может даже похлеще настоящего цветения посреди зимы.

Еще никогда в жизни Жанне не было так хорошо, как тем вечером, когда вприпрыжку неслась по безлюдному городу с невесомым мешком в руках, озираясь по сторонам, чтобы ее не застукали, развешивала цветы на ветках, а потом возвращалась домой, земли под собой не чуя, пьяная от морозного воздуха, окончательно и бесповоротно примирившаяся с собой, вчерашней, сегодняшней, будущей, веселой, унылой, умной и глупой – с любой. Это было ни на что не похожее ощущение какой-то причудливой тайной власти над миром и его чудесами, иначе не скажешь, хотя звучит, конечно, смешно.

Тогда Жанна и назначила себя ответственной за мелкие городские чудеса. Той самой неизвестной переменной, которая собственноручно ставит на чужие подоконники ангелов, оставляет в кафе записки загадочного содержания, пишет мелом на стенах ободряющие слова. Совершает прекрасные глупости, единственный смысл которых – иногда попадаться на глаза каким-нибудь незнакомцам, случайно выигравшим утешительный приз в лотерее судьбы. Восхищать, озадачивать, радовать, раздражать, обнадеживать, удивлять.

Второе яблоко скромно примостилось на лавке в сквере, третье, сероглазое нашло убежище на подоконнике винного бара, обычно в это время работающего, но сейчас закрытого по случаю воскресенья. Там же, у самого входа в бар, убедившись, что на улице пусто, Жанна написала на асфальте очередное «Явное становится тайным», главный хит сегодняшнего дня, завершившегося таким отличным вечером. Хотя почему, собственно, «завершившегося»? На часах всего половина десятого, куча времени впереди.

Дописала; буквально на шаг отойти успела, как то ли из тьмы, то ли просто из-за угла возникли двое прохожих, резко остановились, словно бы запнувшись об ее надпись, рассмеялись и пошли дальше, обогнав Жанну; перед тем, как скрыться за следующим поворотом, кто-то из них, не оборачиваясь, громко, отчетливо сказал: «Ну спасибо!»

Теперь пришла Жаннина очередь останавливаться, запнувшись, от растерянности и смущения: это что, мне? То есть они видели, как я пишу? Или я ни при чем, он со своим спутником говорил? Или это было «спасибо» просто так, наобум, всему городу сразу, как на его месте сказала бы я, увидев такую надпись, только вслух постеснялась бы, пробормотала бы про себя? Ай ладно, на самом деле неважно. Будем считать, это сам город вдруг решил сказать мне «спасибо» первым попавшимся человеческим голосом, а ближе всех оказался этот тип.

Повернула как бы в сторону дома; впрочем, зная себя, Жанна не сомневалась, что путь ее будет причудлив и долог, в таком настроении она обычно ходит по городу как шахматный конь, буквой «Г», или «ижицей», «гимелем», «цха»², и хорошо, если не китайским иероглифом «полет дракона»³; хотя иероглиф – это все-таки летний вариант.

По дороге свернула в кофейню, открытую допоздна, купила, куда деваться от моды, сезонный тыквенный латте, желая отпраздновать очередное неведомо что, чуть-чуть сожалея, что вроде бы столько в ее жизни толчется народу, а выпить просекко за вдохновенное настроение, разговорившийся город, глазастые яблоки и светящийся мел в это время суток решительно не с кем. Чем-то не тем мы с вами заняты, мои дорогие, чем-то явно не тем.

² Буква тибетского алфавита.

³ «Полет дракона», (dǎ) – один из самых сложных иероглифов китайского языка, состоит из 32 черт.

Закрыла картонный стакан пластмассовой крышкой, вышла на улицу, и тут где-то вдалеке раздался грохот, отчасти похожий на вопль неведомой фантастической твари из фильма категории Бэ, и погас свет – сразу везде, в окнах жилых домов, в витринах, у нее за спиной в кофейне, даже фонари на бульваре виновато моргнув, отключились, и город окутала такая густая тьма, в сравнении с которой обычная пасмурная ноябрьская ночь могла показаться солнечным майским полднем.

В кофейне завизжали и сразу же рассмеялись, рядом на бульваре кто-то растерянно выругался; здравый смысл требовал испугаться, но где сейчас Жанна и где здравый смысл. Вместо того, чтобы пугаться, она обрадовалась, потому что привыкла радоваться любому маломальски необычному происшествию, в этом смысле внезапное отключение электричества – не приключение века, но тоже вполне ничего. Возвела глаза к небу по привычке мысленно обращаясь к нему во всех непонятных ситуациях – ну ты, Небесная Канцелярия, даешь! – и обмерла, увидев разноцветные всполохи, зеленые и лиловые, как северное сияние. Даже не успела подумать: «Его же не бывает в наших широтах!» – то есть именно так она и подумала, но уже потом, задним числом, когда всполохи погасли, и небо снова стало обычным ночным ноябрьским небом, похожим на вылинявшее от бесконечных стирок темное сукно.

Но ведь мне же не показалось, – подумала Жанна. Тут была бы уместна вопросительная интонация, но с вопросительной интонацией нынче как-то не задалось, и дело даже не в том, что некого было спрашивать, главное – не о чем. Жанна точно знала: нет, не показалось, она видела именно то, что видела. Северное сияние, или что-то вроде того. Почти беззвучно рассмеялась и вдруг торжествуя подумала: а может быть это из-за меня? Для меня. Специально. Это мне сейчас зарплату выдали какой-то своей небесной валютой, ну или что там волонтерам полагается. Например, талоны на обед. Это называется переход количества глупостей в качество. В совершенно новое качество жизни. А вдруг теперь всегда будет вот так?

Пьяная от просекко, в которое, надо думать, превратился в ее желудке жидкий кофе с сиропом и молоком, Жанна, явственно пошатываясь, пошла по узкому тротуару, размахивая все еще почти полным картонным стаканом, другой рукой благоразумно придерживаясь за стену, чтобы не навернуться в такой темноте. Но осторожность плохо сочетается с возвышенным настроением, поэтому проковыляв таким образом метров сто, Жанна возмущенно взмолилась, сама не зная кому: «Эй, положите наше электричество на место! Ни хрена же совсем не видно!» По материнской привычке хотела добавить что-нибудь педагогически-поучительное, вроде «совесть надо иметь, люди впотьмах спотыкаются, вот ломает кто-нибудь ногу, и что тогда», – но не успела, потому что фонари на бульваре Вокечю дружно моргнули и замерцали бледно-лимонным светом, за ними вспыхнули окна, засияли витрины, и Жанна, вздохнув от избытка чувств, подумала, теперь уже обращаясь не в неизвестность, а адресно, к городу: «Спасибо, дорогой».

Я

Несколько кварталов мы идем молча. Нёхиси вовсю наслаждается адовой холодрыгой, наконец наступившей после немилосердно, с его точки зрения, теплых и солнечных дней запоздалого бабьего лета, а я – его обществом. Гулять по городу с Нёхиси – счастье, которое не может надоест даже когда происходит практически круглосуточно, потому что с каждым шагом все в большей степени становишься тем невообразимым существом, которое способно гулять по городу с Нёхиси, а значит, вообще на все.

Я уже давно настолько оно, что дальше, кажется, некуда, но на практике всякий раз выясняется: дальше – всегда есть куда.

– Отличная девчонка, – наконец говорю я. – Сам когда-то был примерно таким же дурацким вдохновенным придурком с судьбой набекрень. Встретил бы ее в ту пору, немедленно пал бы перед ней на колени и предложил бы руку и сердце. А потом догнал бы и еще раз предложил. У меня не забалуешь. В смысле далеко не удерешь.

– Ну и за что ей такое суровое наказание? – ухмыляется Нёхиси. – Не самое великое преступление – разрисованный мелом асфальт.

– Да ладно тебе – наказание. Я тогда был не особо ужасный. То есть вообще ни насколько не ужасный. По отзывам некоторых пострадавших, скорее наоборот.

Нёхиси делает такое специальное выражение лица, означающее: ну-ну, давай, заливай. Впрочем, подозреваю, дело тут не столько в недоверии к моим словам, сколько в его непреходящем восхищении перед возможностями человеческой мимики. Нёхиси регулярно разучивает новые гримасы, а потом демонстрирует свои умения обреченной аплодировать публике. То есть, в основном, мне.

– Ты отличный, – наконец говорит он. – И был, и есть. Но людям с тобой, подозреваю, непросто. Даже мои нервы не всегда выдерживают. А ведь у меня их, строго говоря, вообще нет. Когда впервые тебя увидел, подумал: надо же, какая интересная разновидность демонов – с таким хилым, немощным телом, как будто помер уже лет двести назад, и таким гонором, словно он повелитель Высших Небес; никогда прежде таких не встречал, интересно, как оно здесь завелось, и чем его надо кормить, чтобы совсем не загнулось? Долго потом удивлялся, обнаружив, что ты – просто вот такой человек.

– Ну ни хрена себе комплимент. Жалко, тот прежний я его не услышал. Помер бы небось от зазнайства, зато каким счастливым! Но, кстати, девушкам эта неизвестная тебе разновидность демонов обычно нравилась... первые пару дней. Потом, конечно, сбегали, и их можно понять. То есть, по большому счету, ты прав. Но эта девчонка, пожалуй, продержалась бы годик-другой, а то и подольше, просто на радостях, что сыскалась родная душа, готовая ночами напролет шариться с нею по городу и вытворять всякую вдохновенную хренотень. Одиночество – отличная штука, но только при условии правильной дозировки, как всякий яд. То есть, пока просто сидишь один дома, и никто не мешает тебе мрачно разглядывать трещины на потолке, одиночество это практически счастье, как я его себе представляю. Но постоянно ощущать себя единственным во Вселенной, настолько отличным от всего остального хотя бы условно живого, что начинаешь сомневаться в собственном смысле, знаешь, довольно тяжело.

– Знаю, – кивает Нёхиси.

И правда знает. Чего это я.

– Ладно, – говорю, – неважно, что я когда-то себе напридумывал и об какие невидимые стены бился дурной башкой. Тем более, что того смешного меня давным-давно и в помине нет. Зато есть другие, ничем не хуже. Например, та девчонка. Она все правильно понимает про странное, неожиданное, нелепое, невозможное, которое здесь у нас – высший смысл человеческого существования; собственно, вообще единственный стоящий смысл. И главное, не

сидит на заднице ровно с этим своим правильным пониманием, пригодным, в лучшем случае, для задушевных разговоров, не раньше, чем после второго стакана, чтобы назавтра никто толком не вспомнил и упаси боже не начал расспрашивать, что именно ты имел в виду, а идет и делает это самое нелепое невозможное в меру своих скромных человеческих сил. Делает! Невзирая на наличие вполне разумной головы на плечах. Между прочим, в любой человеческой голове помещается примерно полтора килограмма скептического ума, а уж в разумных – даже страшно подумать сколько. Хорошо, что я довольно храбрый, а то от ужаса начал бы кричать.

– А кстати, неплохо бы, – мечтательно улыбается Нёхиси. – Так мы еще вроде не развлекались. Не припомню такого, чтобы ты среди ночи на улице орал.

Вызов надо принимать. То есть вдохнуть поглубже и завопить со всей дури. Кстати, вполне ничего получилось – со скидкой на отсутствие соответствующих вокальных навыков. Я все-таки крайне нерегулярно ору.

От моего крика реальность вздрагивает и зажмуривается. В смысле гасит все фонари и даже свет в окнах домов. Шутки шутками, а несколько окрестных кварталов натурально остались без электричества, надеюсь, не до самого завтрашнего утра, а всего на пару минут. Но кто знает, как оно повернется. По крайней мере, точно не я. Жить в одном городе с нами – большая удача, но иногда случаются вот такие технические накладки. Как выражаются некоторые трагически ориентированные натуры, за все надо платить.

– Класс! – Нёхиси совершенно счастлив. – Спасибо! Отлично зашло. Примерно как рюмку Тониной настойки залпом выпить – которая на последних днях.

Настойка на последних трех днях уходящего лета – одно из самых ужасных Тониных изобретений; как по мне, полный провал. Очень уж горькая получилась, выпив рюмку, вторую никто не просит, но Нёхиси она почему-то нравится. И теперь он подбивает Тони замутить такую же на последних днях уходящей осени, а я заранее содрогаюсь от мысли, что мне придется это попробовать, просто из вежливости. Ну и чтобы не забывали, кто у нас тут самый авторитетный дегустатор всего.

С другой стороны, Нёхиси будет доволен, это самое главное. Он у нас и так не то чтобы чахнет без наслаждений, но когда Нёхиси становится доволен сверх всякой меры – вот как, например, сейчас – небо над городом озаряется разноцветными сполохами, на такой краткий миг, что мало кто успевает заметить. Но всякий раз кто-нибудь да успевает, я точно знаю. И что бы наш случайный свидетель ни думал, как бы ни убеждал себя: «Ерунда, померещилось», – он уже благословлен невозможным небесным огнем, и это неотменяемо. Больше всего на свете такие штуки люблю.

От избытка чувств я говорю нарочито сварливым тоном, просто для равновесия:

– Вечно тебе всякая пакость нравится. То мои дикие вопли, то горькая отравка. То вообще, прости господи, зима.

При слове «зима» Нёхиси по-кошачьи жмурится от предвкушения грядущих удовольствий – стылых промозглых дней, ветра, похожего на мокрую тряпку, которой тебя непрерывно охаживают по лицу, ледяной каши под ногами, снежных сугробов, бодрого хруста замерзшей крови в моих бедных венах... ладно, будем надеяться, до такой крайности не дойдет.

Вздыхаю:

– На самом деле я помню, что зимняя тьма нужна тебе для работы. И мне, собственно, тоже. Все-таки самые важные вещи происходят именно в темноте.

– Тьма дело хорошее, но и холод мне тоже необходим, – безмятежно улыбается Нёхиси. – Просто для удовольствия. А удовольствие даже важнее работы. Скажешь, нет?

В ответ я корчу зловещую рожу, скрежешу зубами и рычу; впрочем, довольно неубедительно. Для убедительного рычания мне пока недостаточно холодно. Но я намерстаю, можно не сомневаться. Обычно это случается ближе к февралю.

– Я родился и вырос там, где царит такой совершенный и ясный холод, что здесь его невозможно даже вообразить, не то что воспроизвести, – говорит Нёхиси и кладет мне на плечо руку, ощутимо горячую, вопреки его же словам. – Холод – это вообще естественное состояние Вселенной. Тепло нужно только органическим существам, а вас, будешь смеяться, довольно мало. Раньше я не понимал, на кой такая форма жизни вообще кому-то сдалась. Зачем влачить унылое органическое существование, когда есть множество альтернативных форм бытия, я это имею в виду. Но вот сам попробовал, насколько это возможно в моем положении, и знаешь, понял на собственной шкуре: такая нелепая форма существования, причиняющая серьезные неудобства и сопряженная с постоянным риском внезапного неконтролируемого развоплощения в самый неподходящий момент, действительно имеет смысл. Некоторые очень важные вещи случаются только с теми, кто предельно хрупок и уязвим. Ну и само по себе торжество созидательной воли над немощью материи – действительно потрясающая штука. В жизни не видел ничего красивей.

Молча киваю. А что тут скажешь. Все так.

– Но на самом деле я всего лишь хотел тебе объяснить, почему люблю зиму, – говорит Нёхиси. – Какой-никакой, а все-таки холод. Если очень постараться и максимально приблизить свое восприятие к человеческому, можно ощутить нечто смутно похожее на него. Для меня это что-то вроде приветов из далекого дома. То есть оттуда, что было у меня вместо дома в ту пору, когда я не понимал, что такое «дом». Ты бы, наверное, сказал: «Как в детстве», – и был бы по-своему прав. Этот ледяной ветер задевает в моем сердце какие-то тайные струны, о существовании которых я сам прежде не подозревал.

– Такая постановка вопроса мне в голову не приходила. Думал, ты нахваливаешь морозы просто из вредности, чтобы меня подразнить. И примерно из тех же соображений призываешь на наши головы дополнительные снега и сибирские ветры, которым без твоих подначек в голову не пришло бы до нас долететь. А у тебя, оказывается, какие-то струны трепещут в сердце – откуда оно вообще вдруг взялось?

– Ну а как без него? – удивляется Нёхиси. – Хорош бы я был, если бы отрастил себе человеческие руки и ноги, голову с задницей, а о сердце, с которого все начинается, почему-то забыл. За кого ты меня принимаешь? Я, конечно, довольно ленивый и легко отвлекаюсь, но такой халтуры ни за что бы не допустил.

– Извини. Конечно, ты не халтурщик. Просто я балда. Особенно если подавать меня охлажденным. Но ладно, ничего, каким хочешь, таким и подавай. Больше не буду ругать зимнюю стужу. Если уж у тебя от нее струны в сердце, пусть будет, куда деваться. Как-нибудь дотерплю до весны.

– Да ладно тебе, – говорит Нёхиси. – «Дотерпит» он, понимаете. Можно начинать рыдать. Мученик из тебя примерно такой же, как из меня мучитель. Когда это у нас зимы обходились без оттепелей? А их ты любишь даже больше, чем настоящее теплое лето, я помню. И, между прочим, никогда не мешаю им наступать. Возможно даже ничего не заподозрю, если грядущей зимой оттепели будут случаться несколько чаще, чем прежде. Только пожму плечами – ну, такой, значит, выдался слякотный год.

Ну ничего себе поворот. О таком я даже не мечтал. Нёхиси всегда за меня, что бы я ни затеял, он будет играть на моей стороне, но только до тех пор, пока речь не заходит о температуре воздуха, скорости ветра и интенсивности осадков. Дружба дружбой, а погода – врозь.

Право изменять погоду по своему вкусу мы с Нёхиси до сих пор разыгрывали – в нарды, прятки, покер, «слепого кота», дворовой баскетбол, ножички, секу, шахматы и еще добрую сотню игр, одна другой увлекательней и азартней. И этот всемогущий негодяй не просто ни разу мне не поддавался из соображений божественного милосердия, вроде бы положенного ему по статусу, но и регулярно жульничал, чтобы лишний раз устроить нам майские заморозки или апрельскую пургу.

– Ну ты даешь, – наконец говорю я. – Спасибо. Теоретически знал, что твое великодушие беспредельно, но такого не ожидал. Даже не уверен, что решусь воспользоваться твоим предложением. Сам же сказал, у тебя от холода тайные струны в сердце. А струны – это серьезно. У меня рука не поднимется кайф тебе обломать.

– Да брось ты, – беспечно отмахивается Нёхиси. – Я себя не обижу. После короткой оттепели мороз только слаще. А долгих я тебе и не предлагал.

Показываю ему кулак – по моим наблюдениям, этот магический жест обычно помогает мне отвлечься от желания бесцеремонно повиснуть на шее благодетеля и болтаться там, как слишком длинный, неумеренно толстый шарф.

Тони, Тони, и все, и еще

Тони идет по городу. То есть не по городу, а по бесконечно длинному пирсу, в конце которого сияет синим, пока невидимым глазу, но явственно ощутимым, как вода или ветер, светом старый знакомый, давным-давно разжалованный в памятники и заброшенный, им самим воскрешенный маяк. Но все равно Тони идет по городу; кажется, даже по нескольким городам. По крайней мере, по правую руку – площадь Плаза дель Соль, что в квартале Грация в Барселоне, никогда там не был, но видел фотографии в интернете, запомнил соленое солнечное название, непривычно узкий бледно-зеленый дом с фасадом шириной всего в два окна, странную астрологическую скульптуру, больше всего похожую на свальный грех зодиакальных знаков, и теперь сразу узнал; по левую вместо моря – какие-то невысокие горы и мост, по которому едут автобусы, там же, слева, еще и Берлинская телебашня виднеется вдалеке, и круглый светлый купол огромной мечети, и заслонивший полнеба диск колеса обозрения; под ногами не только потрескавшийся бетон, но и новенькая, блестящая от недавнего дождя брусчатка, усыпанная желтыми листьями, и старые трамвайные рельсы, между ними едва угадываются тени истлевших, раскрошившихся шпал, и тропинка, вытоптанная в густой траве, и мелкие разноцветные камни, образующие причудливый узор. Да чего только нет под ногами у Тони – вот прямо сейчас.

Важно, Впрочем, даже не это, хотя такой буйной смеси фрагментов разных городов, если не вовсе разных реальностей Тони еще никогда не видел. Но все равно важно сейчас только то, что его затылка касается другой горячий затылок, а к спине прижимается чья-то чужая... нет, совсем не чужая спина.

Когда-то в детстве, – думает Тони, – читал про викингов; меня тогда больше всего впечатлило, что они сражаются спина к спине. Думал, только такой и должна быть настоящая дружба – ну, сам понимаешь, что взять с мальчишки, одни драки на уме. А теперь мы с тобой спина к спине гуляем и развлекаемся, смешно получилось. Знал бы ты, как я рад.

Ну ни хрена себе спецэффекты, – думает Тони Куртейн, который вообще-то только что устроился на диване с книжкой, чтобы немного отвлечься от мыслей о своем двойнике, вернее, от его ощущений, таких достоверно ярких, что невозможно сосредоточиться ни на чем другом. И вдруг, – растерянно думает Тони Куртейн, оглядываясь по сторонам, – я больше не дома и не лежу, а как будто иду куда-то, весь, целиком, не во сне, не в грезах, по крайней мере, явственно ощущаю холодный осенний ветер, запах моря, яблок, прелых листьев и карамели, все эти камни и трещины под ногами, и вокруг творится что-то невообразимое, залитое синим светом, который я вижу своими глазами всего-то второй раз в жизни, а до меня не видел никто из зрителей Маяка. Но важно сейчас даже не это, а то, что к моему затылку прижимается другой затылок. И в общем понятно, чей. Забавно, по уму, люди, повернувшись друг к другу спинами, должны идти в противоположные стороны, а мы каким-то образом все равно в одну; но об этом лучше пока не думать, и так голова кругом, а мне надо держаться, крепко подведу нас обоих если сейчас упаду. Никогда ничего подобного не случилось ни со мной, ни с моими предшественниками. По крайней мере, лично я ни от кого не слышал, чтобы зритель Маяка вот так запросто, наяву соединился со своим двойником.

Зря я, конечно, сразу загрузил тебя какими-то непонятными викингами, – думает Тони. – Явно избыточная для тебя информация. Откуда бы у вас взяться викингам, или их аналогам? Вряд ли вы способны на такую глупость, как войны. Уж вам-то зачем воевать?

Хренасе у тебя представления о нашей истории! – изумляется Тони Куртейн. – Да у нас только в эпоху Второй Исчезающей Империи были две большие войны, длинная и короткая, а ведь эта эпоха считается самой спокойной, золотой век, блаженные времена... Вот интересно, как тебе удастся быть не чьим-нибудь, а моим двойником и вообще ни черта не знать

о нашей истории? Я же еще в старших классах все изданные хроники Исчезающих Империй перечитал, а потом, воспользовавшись положением зрителя Маяка, дорвался до неизданных манускриптов из тайных архивов... Нет, ясно, что ты не обязан разделять мои увлечения, но, елки, не до такой же степени. Всему есть предел!

Тони смеется от неожиданности: нормальный вообще наезд! А то сам не в курсе, как у нас с тобой все устроено. Я за твоей жизнью в замочную скважину не подглядываю. Собственно, почти ничего о тебе не знаю, кроме того, что мне рассказывали некоторые общие знакомые, просто всегда чувствую, что ты есть. Иногда несколько более остро, чем требуется для, скажем так, сохранения душевного равновесия, особенно когда ты там у себя идешь вразнос, а ты это дело любишь и отлично умеешь. Но я, если что, не в претензии. Просто напоминаю, как выглядит ситуация с моей точки зрения: боль, тоску, вдохновение и восторг я с тобой разделяю, а хобби и развлечения – извини, нет.

И правда, – думает Тони Куртейн. – Чего это я.

Да ясно, чего, – думает Тони. – Спорить о ерунде гораздо приятней и проще, чем осознавать, что именно с нами сейчас происходит, и соглашаться с тем, что теперь иногда будет так. Я знаешь, как охренел, когда понял, что мы гуляем тут вместе? При том, что больше всего на свете хотел показать тебе нашу с тобой работу, ослепительные следы моих одиноких прогулок по далеким чужим городам, казалось бы, только в воображении, но нет, все-таки вполне наяву. И вот показываю – видишь, какая тут мешанина? Ай, ну да, ты же не знаешь, как у нас чего выглядит, вполне мог подумать, что это какой-то один город. А он тут не один! Не все двадцать восемь, которые мы уже осветили, кажется даже не половина, но все-таки очень много, нарезкой, в смысле фрагментами. Сам впервые такое вижу. Праздничный салат под синим сияющим соусом, исключительно в твою честь.

Что ты творишь, – думает Тони Куртейн. – Мать твою, что ты творишь, дружище! Кто бы мне рассказал, не поверил бы, что такое бывает. А ведь у нас, только не смейся, считается, будто на вашей Другой Стороне магии вообще нет.

Ну, ее в общем и нет, – улыбается Тони. – Никакой магии нам не положено. Не те у нас свойства материи, чтобы магией развлекаться. Но мы – ребята не промах. Чего нам не положили, то сами возьмем. Один мой друг говорит, высший смысл всякой человеческой жизни состоит в осуществлении невозможного, так что чем больше лично для тебя считается невозможным, тем больше в твоей жизни высшего смысла; считай, повезло. Мне нравится такая постановка вопроса: с этой точки зрения, мы с тобой вообще зашибись какие счастливики. Сами по себе уже и есть «невозможное», даже руками ничего делать не надо. По крайней мере, у нас считается, что у людей двойников не бывает. Не положено нормальному человеку никаких таинственных двойников!

Да, у вас, на Другой Стороне почти ничего не знают об устройстве реальности, – думает Тони Куртейн. Он честно старается удержаться от бестактного продолжения: «Не понимаю, как жителям пограничного города удастся оставаться настолько невежественными», – но все равно, конечно, так думает. К счастью, его двойнику плевать.

У нас, «на Другой Стороне»! – восхищенно думает Тони. – Я когда впервые услышал это название, ржал, не мог успокоиться. «Другая Сторона», «темная таинственная изнанка», «хищная злая тень» и еще хренова туча мрачных романтических определений для таких обыкновенных, простых и понятных нас!

Да уж, таких простых, проще некуда, – насмешливо думает Тони Куртейн. – Скажи мне, обыкновенный простой человек, ты вообще представляешь, до какой степени невозможно все, что с нами сейчас происходит?

Видимо оно невозможно до какой-нибудь отрицательной степени, – думает Тони. – Я из школьного курса алгебры смутно помню, что число, возведенное в отрицательную степень, здорово уменьшается. Если хорошо постараться, до совсем незначительной величины.

Эх, вот бы нам сейчас с тобой выпить, – думает Тони Куртейн. – Вдвоем, с глазу на глаз. Эта наша невообразимая прогулка, спина к спине, между сном и явью, сразу по множеству городов Другой Стороны, озаренных сиянием нашего Маяка, – самое удивительное событие в моей жизни, но, знаешь, мне бы для начала чего-то попроще. Посидеть с тобой где-нибудь в тихом местечке, выпить по рюмке-другой и спокойно, по-человечески поговорить. Потому что я же до сих пор толком не понимаю, что именно мы с тобой делаем. И вообще почти ни черта.

Да я бы тоже не отказался сейчас с тобой выпить, – думает Тони. – Даже, будешь смеяться, специально припрятал для такого случая несколько самых удачных наливок. Все вокруг говорят, зря размечтался, так не бывает, два смотрителя Маяка никогда не встречаются наяву, я с ними не спорю, не бывает, так не бывает, они люди опытные, им видней. Но наливки все равно храню, благо время им только на пользу. И, похоже, правильно делаю: сейчас-то нам удалось встретиться. Не совсем наяву, согласен. Но обычным сном эту нашу прогулку тоже как-то глупо считать.

Глупо, – соглашается Тони Куртейн.

Он сидит на своем диване, согнувшись чуть ли не пополам, обхватив немеющими руками ставшей свинцовой голову, думает: «Вот и все».

Да какое там «все», это только начало, – беззаботно думает его двойник. – Отлично погуляем. И моих наливок выпьем, не сомневайся. Мне понравилось. Хочу еще.

Квитни

Всю дорогу был зол как собака; на себя, на кого же еще.

Тряпка, – мрачно думал он, пока летел в самолете, – это, дорогой друг, называется «тряпка», а не просто «взрослый разумный человек, способный на небольшой компромисс», как тебе, понимаю, хотелось бы. Обойдешься, тряпка и есть.

На самом деле, конечно, раздувал трагедию на пустом месте, как у него это было заведено, отчасти даже намеренно, чтобы держать себя в тонусе, «чувствовать нерв бытия», – как он это сам называл. Квитни и правда когда-то твердо решил больше не возвращаться в город, где родился и вырос; давным-давно дело было, лет двадцать, если не больше назад. С тех пор в его жизни вообще все изменилось, причем не один раз. А теперь он согласился приехать сюда по работе. Совершенно нормальный, взвешенный, разумный поступок, глупо из-за каких-то зарокот потерять одного из лучших клиентов. Вот уж действительно, грандиозное предательство всех светлых идеалов юности разом. Делать тебе нехрен, мой бедный друг, – насмешливо думал он, пока самолет шел на посадку. – Эта поездка не то что до греха, а и до компромисса-то не дотягивает. Между чем и чем компромисс?

Я решил никогда сюда не возвращаться, а только помахали баблом перед носом, сразу послушно построился и поехал, – упрямо думал Квитни, зачем-то вменивший себе в обязанность мысленно каяться всю дорогу. Но под конец выдохся. И вообще устал.

Господи, как же я, оказывается, устал. Ничего, доберусь до гостиницы, первые сутки буду просто валяться в постели, даже завтракать не пойду, – обещал себе Квитни, пока шагал по коридорам аэропорта и ехал на эскалаторах то вверх, то вниз, согласно указаниям табличек со стрелками. Аэропорт вроде бы совсем маленький, но чтобы добраться от входа, куда пассажиров привезли в автобусе, до места выдачи багажа, пришлось обойти его по периметру, кажется, раза три. Где-то слышал, будто так делают специально, чтобы пока пассажиры блуждают в лабиринтах зоны прилета, успеть кратчайшим путем привезти чемоданы и создать иллюзию очень хорошего сервиса, когда багажа совсем не приходится ждать. Но вряд ли все-таки это продуманная система. Наверняка обычный организационный бардак.

Впрочем, ждать багажа действительно не пришлось ни минуты. Квитни добрался до транспортера в тот самый момент, когда лента дернулась, и из стыдливо прикрытой пластиковой бахромой дыры, явно ведущей в какое-то неприятное научно-фантастическое четвертое измерение, неторопливо выполз первый чемодан. Желтый, блестящий, большой. Квитни всегда было интересно: кто эти удивительные люди, чьи чемоданы появляются на транспортере первыми? С виду самые обыкновенные, вот и сейчас желтый чемодан забрала какая-то невнятная тетка средних лет. Но ясно, что на самом деле владельцы чемоданов, выезжающих первыми, черные маги, тайные властители мира, соль и пупы земли.

Впрочем, грех жаловаться, его собственный чемодан оказался всего четвертым по счету. Тоже своего рода рекорд, прежде Квитни так никогда не везло, он был из тех, кто обычно ждет багаж до последнего, нервно гадая, потеряли его, или все таки выдадут под конец.

Наверное, я теперь тоже черный маг и властитель мира, – насмешливо подумал Квитни. – Не самый главный в этой компании, но явно уже не презренный смерд. Интересно, за какие заслуги меня записали в тайное мировое правительство? Стихи мои почитали? Или просто каялся по дороге так душевно, что был на всякий случай причислен к лику святых?

Покинув здание аэропорта, тут же закурил. Это был его обязательный ритуал: прилетев куда бы то ни было, сперва сделать паузу, покурить, а потом уже осматриваться и думать, как добираться в город. Хотя, конечно, о чем тут думать. Такси вокруг полно.

В нескольких метрах от него стояла та самая тетка, главная властительница мира, с желтым чемоданом номер один. Тоже курила, одновременно что-то писала в телефоне с таким сосредоточенно зверским лицом, словно отдавала приказы о пытках и казнях. Так засмотрелся на тетку, воображая ее зловещие распоряжения, что, докурив, пошел следом за ней. И опомнился только в автобусе. Изумился: зачем?! Это я что, внезапно решил сэкономить? Вот молодец.

Развернулся было, но в дверь уже входили новые пассажиры, поленился толкаться, остался, купил билет, устроился на ближайшем к выходу сидении. Благо автобус, как следовало из электронного табло над кабиной водителя, ехал прямо в центр. Сверившись с картой, убедился, что от одной из остановок маршрута до его отеля всего пара коротких кварталов. Чемодан довольно тяжелый, но все-таки на колесах. Ладно, вполне можно жить.

По дороге задремал, совершенно для себя неожиданно, потому что не умел спать сидя, тем более, в присутствии посторонних, от чего очень страдал в долгих поездках, поэтому без крайней нужды не путешествовал ночными автобусами и поездами: после бессонной ночи день, считай, пропал. Но тут отключился, как кнопку нажали. К счастью, совсем ненадолго. А то проехал бы свою остановку, город-то, в сущности, маленький, от аэропорта до центра ехать всего четверть часа. Однако проснулся, как после настоящего долгого сна – расслабленным, угревшимся, временно выпавшим из контекста, а потому неподдельно растерянным: что это, как это, где вообще я?

Вспомнил, конечно, буквально через пару секунд – все, вплоть до названия нужной остановки, и тут оно как раз появилось на табло: «Aušros Vartai». В переводе «Врата зари»; звучит красиво, а сам район, будем честны, не очень. Жил здесь совсем неподалеку когда-то... ай, ладно, какая разница, мало ли где я жил.

Квитни не любил свое прошлое. Не потому, что оно было какое-то особенно скверное; то есть, вообще ни насколько не скверное, обычная человеческая жизнь, местами довольно приятная, местами не очень, но ничего такого ужасного, чтобы из памяти вытеснить. Просто ему казалось, что наличие какого-то конкретного, подлинного, подкрепленного фактами прошлого прищипливает его к ткани бытия, как пойманную бабочку булавкой. Только дай ему, прошлому, волю, прими его всерьез, согласишься с тем, что оно действительно было, начни ворошить, вспоминать, опираться на него, жаловаться или, напротив, гордиться – и все, приехали, в смысле тебя прикололи, с места теперь не двинешься, сколько ни дергайся, сколько крыльями ни колоти.

Довольно странная концепция, он это и сам понимал. Но Квитни любил странные концепции, с большим удовольствием их изобретал и тут же пускал в работу. В смысле старался жить хоть в каком-то согласии с собственными причудами. Это казалось ему очень важным: действовать так, как будто твои выдумки – правда. Действовать, а не просто мечтать.

Какой-то юнец в спортивном костюме неожиданно помог ему вытащить из автобуса чемодан, таким естественным, дружелюбным и неназойливым жестом, что даже в голову не пришло отказаться. Квитни конечно и сам бы справился с чемоданом, но получить помощь от незнакомца всегда приятно, как будто весь мир говорит тебе человеческим голосом: «Видишь, я готов о тебе позаботиться, со мной не пропадешь». Поэтому Квитни оказался на остановке в приподнятом настроении, проводил взглядом удаляющийся автобус, огляделся по сторонам и вдруг, неожиданно для себя, сказал вслух, негромко, но все-таки вполне отчетливо, как бы всему городу сразу: «Привет, дорогой, отлично выглядишь. Я по тебе скучал».

Сказал и сразу понял: а ведь не вру, и правда скучал. Не то чтобы сильно. Немного. И, положив руку на сердце, не столько по городу, сколько по себе самому, старому доброму, вернее, наоборот, молодому Ежи Квятковскому, которого, в соответствии со своей же концепцией сознательного отрицания прошлого, почти забыл, но любить, конечно, не перестал.

Десять минут спустя Квитни обнаружил себя не в отеле, куда ему, по уму (и по карте) уже полагалось прийти, а в крошечной тесной кофейне, где он почему-то заказывал маленький черный и вовсю кокетничал с круглолицей кудрявой бариста; последнее обстоятельство означало, что управление целиком перешло к его автопилоту, который считал, будто в любой ситуации самое главное – всех вокруг обаять, а уже потом разбираться. Ну или не разбираться, как пойдет.

Девчонка была только рада: конец рабочего дня, устала, совсем заскучала, и тут вдруг такой симпатичный клиент, улыбается, говорит комплименты, восхищенно таращит глаза и только что не начинает мурлыкать, попробовав кофе. Такого мужчину сразу хочется – не поцеловать, а, например, почесать за ухом. Подобного эффекта Квитни и добивался: быть обаятельным он долгие годы учился у всех знакомых котов, считая их великими мастерами вызывать в сердцах могущественных двуногих открывалок кошачьих консервов легкую, счастливую, необременительную, ни к чему не обязывающую любовь. Другой любви ему от людей было не надо – ни сейчас, ни в юности, никогда.

Вышел с кофе на улицу, сел на стул под до сих пор не убранном с лета темно-зеленым тентом, с наслаждением вытянул усталые ноги, вдохнул всей грудью вечерний воздух, холодный, влажный и такой пронзительно свежий, словно не в самом центре столичного города, а где-нибудь в лесу. Насмешливо спросил себя: эй, ну и что такого ужасного в том, что ты согласился сюда приехать, наплевав на данный когда-то спьяну зарок? Неохотно ответил: ну да, пожалуй, действительно ничего. Но между прочим, вовсе не спьяну тогда зарекся, а на трезвую, хоть и дурную голову. Просто был почему-то уверен, что если однажды вернусь в этот город, непременно останусь здесь навсегда, как привязанный, больше уже никогда никуда не смогу отсюда уехать, даже на выходные к друзьям. Удивительно нелепая идея. Интересно, как она мне вообще в голову пришла?

Пожал плечами, как будто говорил не с собой, а с кем-нибудь посторонним, и надо было подкреплять слова соответствующими жестами. Подумал: да кто разберет, откуда берутся мои нелепые идеи? Главное, что берутся. Без них это буду уже не я.

Швырнул в урну пустой картонный стакан – почти не глядя, с размаху. Конечно, попал. Вскочил так легко, словно намеревался продемонстрировать все тому же несуществующему постороннему собеседнику новый шедевр – собственное превосходное настроение, только что сделанное своими руками, можно сказать, на коленке, из промозглой ноябрьской погоды, более чем посредственного кофе и смутного воспоминания о собственной глупости. То есть буквально из ничего.

Отправился в отель, больше не сверяясь с готовым маршрутом в телефоне, потому что и без него прекрасно знал, где здесь какая улица. Глупо было бы притворяться, будто забыл. Чуть не споткнулся, увидев на тротуаре неожиданно яркую, словно бы изнутри подсвеченную надпись на русском: «Явное становится тайным», – так удивился этому перевертышу, что рассмеялся вслух. И пошел дальше, почти вприпрыжку, можно сказать, размахивая чемоданом, то есть, конечно, не самим чемоданом, а влачившей его рукой, вследствие чего бедняга вихлял, как пьяный, тревожно скрипел колесами и грозил вот-вот соскользнуть с узкого тротуара на такую же узкую мостовую, но Квитни не обращал внимания на его затруднения. Пусть сам как-то справляется с бордюрами и колесами, в конце концов, это не чей-нибудь, а мой чемодан, – думал он, ускоряя шаг, не потому что так уж спешил в отель, а просто от избытка энергии. А ведь всего час назад искренне полагал единственной формой возможного для него в ближайшее время счастья крепкий беспробудный, желательно вечный сон.

С подоконника уже закрытого винного бара на Квитни внимательно уставились очень светлые, совершенно круглые глаза. Сперва привычно сказал себе: «Померещилось». Присмотр-

ревшись, решил, что это оторванная кукольная голова, и достал телефон, чтобы ее сфотографировать: Квитни высоко ценил любые нелепости, не только происходящие в его собственной голове. Когда подошел совсем близко, увидел, что это никакая не голова, а просто яблоко, в которое зачем-то вставили круглые кукольные глаза, прозрачные, светло-серые, словно бы выцветшие почти до белизны, как у самого Квитни. Ни у кого больше не встречал такого странного цвета глаз; оно, положив руку на сердце, и к лучшему, а то, небось, влюбился бы сразу же по уши, не разбираясь, что там за все остальное прилагается к этим глазам. Но в итоге легко отделался, яблоко – идеальная возлюбленная, самая счастливая связь на свете: возьми, поцелуй и съешь.

Он действительно взял яблоко, поцеловал его в то место, где, по прикидкам, должен был находиться рот, сунул в карман, а потом, когда раздевался в отеле, достал и надкусил – не потому что был голоден, а как бы исполняя мысленно данный яблоку любовный обет. Яблоко оказалось неожиданно вкусным, кисло-сладким и сочным, по его неказистому виду не скажешь, но если уж везет, так сразу во всем, включая необязательные детали; собственно, начиная с них, – насмешливо думал Квитни, сидя на подоконнике распахнутого настежь окна, озирая окрестности с высоты третьего этажа, и с наслаждением похрустывая яблоком, из которого предварительно вытащил светлые кукольные глаза, но почему-то не выбросил, а аккуратно завернул в кусок сигаретной фольги и спрятал, причем не в карман, а в бумажник, как будто они были драгоценностью, которую ни в коем случае нельзя потерять.

Жевал, улыбался, болтал ногами, любовался низким пасмурным ночным небом, слишком светлым, слегка красноватым, как это обычно бывает в центре любого большого города, где много рекламных вывесок и фонарей. Где-то совсем далеко, скорее всего, за рекой, по крайней мере, в той стороне, сияло синее зарево; тоже, наверное, какая-нибудь реклама. Чересчур яркая, – думал Квитни, – и оттенок какой-то совершенно бесчеловечный, слишком холодный. В последнее время везде много стало этого холодного синего – дома, в Кракове, в Барселоне и еще где-то, куда меня заносило, всюду его почему-то вижу, как-то внезапно в моду вошел. Чем вообще рекламщики думают, когда принимают такие решения? Кому этот чудовищный синий может понравиться, кого он способен привлечь?

Однако смотрел на небо, не отрываясь. И даже получал от этого зрелища что-то вроде нелепого почти-удовольствия. То ли из врожденного чувства противоречия, то ли просто уже привык.

Кара

Успела хорошенько понервничать – какого черта так долго? Чего он тянет? Почти час прошел. Наконец из подворотни на дорогу метнулись две вытянутые тени, похожие на куниц. А откуда-то сверху – случайный свидетель наверняка увидел бы выпавшую из окна гигантскую кастрюлю, «выварку», в таких здесь еще недавно, до появления доступных стиральных машин, кипятили белье, но Кара была свидетелем настолько не случайным, насколько это вообще возможно, поэтому с ее точки зрения, на куниц обрушилась сама тьма, такая невыносимо густая и плотная, что лучше бы на нее не смотреть. Вот и не надо смотреть, – напомнила себе Кара. И отвела глаза.

Досадно, конечно, упускать некоторые интересные подробности, но есть вещи, которых человеку видеть не следует, если не хочет окончательно спятить. Соглашаться с этим правилом техники безопасности Каре совсем не нравилось, но ничего не поделаешь, оно так.

Даже отвернувшись, она заметила боковым зрением вспышку черного пламени, вернее, некое невообразимое событие, которое Карин ум решил считать «вспышкой черного пламени», потому что действительно немного похоже, а все, о чем приходится думать, надо хоть как-нибудь называть.

Видеть это даже боковым зрением, вскользь, без подробностей было настолько невыносимо, что Кара невольно охнула и села прямо на тротуар. Все-таки лучше сесть, где стоишь, пока сама можешь, чем чуть погода бесконтрольно упасть.

– По-моему, тебе совершенно необходимо выпить, – сказал секунду, целую долгую жизнь, много жизней, почти настоящую вечность спустя низкий бархатный голос, такой ласковый, что сердце в пятки уходит. Хотя, казалось бы, зачем ему туда уходить? Все хорошо, все идет по плану и вообще, похоже, закончилось. Все, будем считать, свои.

– Не помешает, – легко согласилась Кара. – А ты... тебя уже можно пускать в общественные места?

– Да можно, конечно, – сказал, подавая ей руку, широкоплечий мужчина средних лет с приятным, открытым, почти простодушным круглым лицом и легкой сединой в густых каштановых волосах. – С чего бы вдруг куда-то меня не пускать?

Поглядеть сейчас на него, само воплощение уместной, умеренной респектабельности, так и правда глупый вопрос.

– В ближайших окрестностях ничего, на мой взгляд, подходящего, – сказал он, заботливо отряхивая Карино пальто. – Но парой кварталов ниже, в самом начале Траку, есть неплохой виски-бар; да ты наверняка его знаешь. Просто не можешь не знать.

– Мимо часто ходила, – кивнула Кара. – Но внутри до сих пор никогда не была. Тем лучше. Сейчас мы меня этой невинности лишим.

– Заманчивая перспектива, – откликнулось существо, которое в силу своей природы разве только теоретически представляло, что, собственно, означает выражение «лишить невинности». Да и то вряд ли, будем честны. Но за долгие годы среди людей отлично усвоило, как следует отвечать на подобные реплики. И на любые другие – чтобы сойти за своего.

Он так подчеркнуто безмятежно, лучезарно, очаровательно улыбался, что Кара заподозрила неладное, и прямо спросила:

– Ты сейчас плачешь?

И он, не смущаясь, ответил:

– Да.

– Тебе не мешать?

– А ты и не мешаешь. Это просто технически невозможно – мне помешать.

Да уж догадываюсь, подумала Кара, опираясь на его руку, такую достоверно теплую и надежную, что грех не поддаться этой иллюзии. И она – ненадолго, просто чтобы скрасить прогулку – с удовольствием ей поддалась.

– Мы опоздали, ты знаешь? – спросил ее спутник. – Человек, который жил в той квартире, умер еще весной. Жаль, что ты меня раньше не позвала.

– Не позвала, потому что не знала. Помнишь, ты говорил мне однажды: самые страшные вещи почти невозможно заметить, пока они происходят, только потом, столкнувшись с последствиями, можно что-то понять. И был совершенно прав. Мы и сейчас-то случайно узнали. Там во дворе есть собачья парикмахерская, и одна из коллег решила зайти узнать, не подстригут ли они в перерыве между собаками ее свалывшегося кота. Она – очень чувствительная девочка, трех шагов через этот двор сделать не смогла, сбежала, как ошпаренная и подняла тревогу. А толку от той тревоги. В смысле от всех нас. Я еще никогда в жизни не видела шефа Граничной полиции таким озадаченным. Его бубен в этом дворе не работает, представляешь? Там вообще ничего не работает – ни наяву, ни во сне. Как будто другая планета со своими законами. Какое все-таки счастье, что в этом городе есть еще и ты!

– Да, неплохо, – согласился круглолицый человек средних лет, озаря пасмурный вечер очередной чересчур лучезарной улыбкой. – Иногда я и сам бываю этому рад. Хотя столько боли и горя это все-таки слишком для меня.

– Так что это было? Откуда оно взялось, и что надо сделать, чтобы больше ничего подобного у нас не заводилось? – спросила Кара после того, как они устроились в дальнем, самом темном углу небольшого уютного бара, который и правда оказался отличным; вот интересно, как он, настолько не будучи человеком, умеет находить привлекательные – не для кого-то вроде него самого, а именно для людей – места?

– Слишком много вопросов сразу, один сложнее другого. Давай разбираться по порядку, – сказал Гест, который больше не улыбался, а значит – Кара на это надеялась – больше не оплакивал свое опоздание, не рвал себе сердце, или что там положено рвать вместо сердца таким, как он.

Агент Гест – под этим именем он фигурировал в Кариных отчетах, хотя какой он, к лешим, «агент», поди такое найми на службу. Не обделалась при встрече, уже молодец. Скорее уж Кара была его агентом, поставщиком полезной информации – в том смысле, что когда они с ребятами не справлялись, и она не знала, что делать, можно было позвать на помощь его.

Кара не знала, что он такое; про себя она называла агента Геста «ангелом», это помогало хоть как-то уложить в голове, почему он настолько невыносимо жуткое для тех, кто видит чуть больше, чем лежит на поверхности, и одновременно – самое милосердное существо, какое только можно вообразить. Впрочем, фиг там «можно вообразить». Нельзя.

– Неудивительно, что ты не знаешь, кто эти твари, – тем временем, говорил Гест, чрезвычайно убедительно делая вид, будто прикладывается к стакану с коктейлем и отдает должное его вкусовым качествам; что-то, а вести себя, как положено нормальному компанейскому человеку, он умел. И кажется, даже любил, как некоторые любят спорт или, например, вышивание, в общем, необязательную работу, требующую максимальных усилий и концентрации.

– На том примитивном вспомогательном языке, который мы используем, когда не хотим давать свою силу сущностям и предметам, о которых говорим, эти твари называются хащи. Ни в этом печальном человеческом мире, ни на его изнанке, откуда ты родом, они до сих пор не водились; считай, это вам крупно везло. В последний раз я гонял хащей в Шудьян-Тар-Махайе, в самом конце эпохи Золотых Слов... в общем, очень давно и настолько не здесь, насколько это вообще возможно. Они там больших бед натворили, а ведь обитатели Шудьян-Тар-Махайи куда крепче, чем здешние люди. Даже чем ты.

«Даже чем ты» – это, конечно, был комплимент. Гест любит и умеет делать комплименты. Однажды признался Каре, что его в свое время совершенно потрясла эта идея – оказывается, почти всякого человека можно сделать более счастливым, бесстрашным, уверенным в своих силах и вдохновенным при помощи самых обычных, не обладающих какой-то заклинательной силой, просто правильно, с учетом его личного опыта и предпочтений подобранных слов.

– Хащи – хищники, – продолжал Гест. – Собственно, хищников тут у вас великое множество, куда ни плюнь, везде они, только успевай поворачиваться, пока одного прикончишь, в каком-нибудь темном углу целая сотня новых уже завелась. Но знаешь, в чем основная разница? Если смотреть на кишачих здесь хищников моими глазами, ясно, что при всем кажущемся разнообразии видов, все они, в общем, похожи: тем, что плетут сети для своих жертв. Разной степени сложности и прочности – кто как может, так и плетет. Одни растягивают свои сети снаружи, другие плетут их, забравшись в жертву, изнутри, третьи тайком пробираются в прошлое и тянут сети оттуда; в общем, каких только умельцев нет. Но сети есть сети, они мне понятны. И справиться с ними, если быть мной, довольно легко. А хащи сетей не плетут. Они – как бы тебе объяснить на словах, не показывая? – искажают. Подделывают. Портят. Подменяют оригиналы фальшивками. Медленно и незаметно меняют сознание человека и одновременно внешний мир вокруг него, потихоньку, фрагмент за фрагментом. Что удалось подменить, едят, точнее, перерабатывают в подлую, темную, способную испытывать только голод и муку материю, из которой сами состоят. Это может тянуться годами, но на выходе всегда получается – даже не полный ноль, а отрицательная величина. Несчастный подменыш, сеющий голод и муку всюду, куда обратится его взгляд. Хащи размножаются взглядами своих жертв, и это, к сожалению, не метафора. Тот человек, который умер весной, будем честны, еще легко отделался, хоть и жестоко так говорить. Но когда нет надежды на помощь, лучше уж умереть побыстрее, чтобы остаться собой. Удивительно, кстати, что ему удалось умереть: обычно хащи берегут тела своих жертв. Скорее всего, он обладал незаурядно острым восприятием и однажды смог их увидеть. Мало кто из людей такое откровение переживает... Кара, радость моя, с тобой все в порядке? Мне не пора заткнуться?

– Пожалуй, – неохотно сказала Кара. – Тошно стало, неумогу. Как будто все это происходит со мной.

– Да, ты умеешь слушать, – кивнул ее собеседник. – Не только умом, а всем телом понимаешь, о чем тебе говорят. Это чревато некоторыми неудобствами, но лучше так, чем слушать одними ушами, верь мне.

Кара горько вздохнула:

– Знаю, что лучше. Черт с ними, неудобствами, потерплю. Объясни мне еще, пожалуйста, что случилось с этим двором? Его что, тоже... подменили и съели? Пространство – как человека? И теперь там не нормальный человеческий двор, а его искаженное отражение? Такая чумная зона, куда лучше никому не соваться? Но там же целых три дома, во всех люди живут! И значит нам надо...

– Ничего вам не надо. Хащи портят пространство гораздо медленней, чем людей. Так что мы более-менее вовремя успели, в самом начале второго этапа перемен, когда все еще вполне обратимо. Я уничтожил ту парочку хашей; других там нет, я проверил. Теперь все само понемногу выправится – и дом, и двор.

– Ясно, – кивнула Кара. – Уже легче. Спасибо тебе.

– Сухое «спасибо» на хлеб не положишь, как у вас говорят, – усмехнулся Гест.

– Ну так скажи, чем его для тебя намазать.

– Сама не догадываешься? Мне нужна помощь, чтобы проверить, нет ли в городе других хашей. С ними такая засада: ловко умеют прятаться, не учуешь, пока совсем близко не подойдешь. А я здесь большую часть времени провожу вот в таком виде, – пальцами правой

руки он оттянул кожу на кисти левой, как будто пощупал ткань, из которой сшили костюм. – Мои возможности ограничены способностями этого тела, которое отличается от большинства человеческих не столь радикально, как надо бы, по уму. Поэтому обойти за день все дворы и дома этого города я, к сожалению, не успею, даже если в лепешку расшибусь. Так что пусть твоя чувствительная коллега тоже по городу погуляет. И если есть другие такие же чуткие, как она...

– Найдутся, – кивнула Кара. – Всех отправим гулять, не вопрос. Давай тогда сразу поделим территорию, чтобы не дублировать маршруты друг друга.

Она достала из кармана бумажную карту, которую всегда таскала с собой, доверяя ей больше, чем картам из телефона. Все-таки материя есть материя, она инертна, на ее изменения требуется какое-то время, особенно здесь, на Второй Стороне. Поэтому больше шансов, что бумажная карта не соврет. Хотя в граничных городах, где реальность становится зыбкой и переменчивой гораздо чаще, чем даже самому искушенному наблюдателю удастся за ней проследить, бумажные карты – скорее плацебо, чем панацея. Но лучше пусть будет плацебо, чем вообще ничего.

– Вот эту территорию я успею проверить за ближайшие сутки, – сказал Гест, очертив указательным пальцем большую часть Нового и небольшой фрагмент Старого города. – Остальное будет на вас. Завтра встретимся здесь в это время, если не возражаешь. Обменяемся информацией. По рукам?

– По рукам, – улыбнулась Кара, накрывая его большую горячую ладонь своей, сухой и прохладной, всегда, даже в жару.

В такие моменты, когда они договаривались о совместной работе, агент Гест не казался ей жутким. И как-то даже почти помещался в воображении и укладывался в голове. Все-таки великая штука общее дело. Перед делом, надо понимать, все равны.

– Ну вроде бы все на сегодня, – сказал Гест, отодвигая в сторону каким-то образом опустевший стакан.

– Не все, – покачала головой Кара. – Ты мне еще самого главного не объяснил. Я спросила, что нам надо сделать, чтобы ничего подобного в этом городе больше не заводилось? А ты не ответил.

– Не ответил. И не отвечу. Потому что сделать нельзя ничего. Разве только закрыть все сквозные проходы в другие реальности – как вы их здесь называете? «Пути»?

– Пути, – подтвердила Кара. – Но все закрыть невозможно. Город-то пограничный. Какой-то обязательный минимум открытых Путей тут обязательно должен быть...

– Да почему сразу «минимум»? Оставьте как есть, не трогайте, не надо ничего закрывать. Это, знаешь, как с окнами летним вечером – лучше уж комары, чем невыносимая духота.

– Да, – согласилась Кара. – Но какого же черта только всякая дрянь к нам лезет? Нет бы что-нибудь хорошее и интересное!..

– Справедливости ради, так называемое «хорошее» к вам тоже иногда лезет, – усмехнулся агент Гест. – Вот я, к примеру, залез.

– Ой, ну точно же! – смутилась Кара. – Извини, о тебе я как-то не подумала. Просто в голове не укладывается, что таким как ты тоже нужны открытые Пути. По-моему, если уж ты захочешь, сам в любое место проход откроешь. Еще и красный ковер там расстелешь, и оркестр приведешь. И банкет закаташь на сто тысяч голодных демонов, явившихся тебя проводить. Скажешь, нет?

– Вот именно, «если захочешь». А прежде, чем чего-нибудь захотеть, надо узнать, что в принципе есть такая возможность. Ты учти, что реальности, из которой нет никаких проходов наружу, ни для кого из посторонних наблюдателей, как бы и вовсе не существует. Да и жизни, как я ее себе представляю, в подобных местах быть не может. Не всякое энергичное беспоряд-

дочное копошение – жизнь. С людьми, кстати, ровно такая же штука, большое всегда повторяется в малом. Лишь тот, кто хотя бы изредка, пусть даже только отчасти способен открываться для чего-то большего, чем он сам, с точки зрения этого «большого» существует. Остальных нет.

Кара молча кивнула. Она и сама примерно так все себе представляла. Но всегда полезно получить подтверждение из... неизвестно чьих уст.

– Вопрос на самом деле еще и в том, кто чему открыт, – задумчиво сказал Гест. – Точнее, кого именно он привлекает своим поведением. Сама знаешь, какая музыка из кабака доносится, такая публика туда и пойдет. И если с каждым отдельным человеком все примерно сразу понятно, то с целой реальностью, конечно, гораздо сложнее. Реальность звучит общим хором, всей совокупностью частных поступков и устремлений, включая самые потаенные, вот в чем ваша беда.

– Именно беда?

– Да, конечно. Пока здесь у вас большинству людей нравится мучить друг друга, если не действием, то хотя бы в мечтах, сюда, ничего не поделаешь, будет лезть всякая хищная дрянь. Хорошие гости сами делают выбор: идут туда, где их присутствие может принести пользу; иногда – вопреки своему же здравому смыслу, как я когда-то сюда пришел. А разного рода хищники – ребята простые. Они, не особо раздумывая, на запах прут.

– На запах страданий? – содрогнувшись, спросила Кара.

– Точнее на запах стремления безнаказанно их причинять. Но ты не огорчайся, – поспешно добавил Гест. – Все не так скверно, как тебе, наверное, показалось из-за моей излишней откровенности. Я принимаю человеческую склонность к мучительству слишком уж близко к сердцу, как личное горе; это даже не столько заблуждение, сколько следствие моего внутреннего устройства: я не способен игнорировать боль. Но в вашем общем хоре есть великое множество совсем других голосов. Они тоже слышны, а значит, имеют значение. Поэтому пока открыты Пути, сюда будут приходить не только враги, но и помощники. Нас понемногу становится больше и больше: сияние благородных устремлений, бескорыстных дел и даже просто возвышенных фантазий привлекает добровольцев не меньше, чем хищников запах мучительства. Так что все не зря, дорогая. И лично ты, будь спокойна, тоже не зря занимаешь здесь свое место. Ты храбрая и упрямая, любишь власть, в тебе много силы, но при этом совсем нет жестокости. Поэтому твой голос в общем хоре звучит как многие тысячи голосов.

– Спасибо, – сказала Кара. – Даже если это просто очередной удачный комплимент в твоем духе, все равно он ужасно вовремя. Человеку нельзя совсем без внешних опор. Иногда, знаешь, очень надо что-нибудь такое прекрасное о себе услышать от... В общем, есть у меня подозрение, что именно от тебя – лучше всего.

– Думаю, да, неплохо, – подтвердил агент Гест. Достал из кармана зеленое яблоко с нелепыми зелеными кукольными глазами, зачем-то вставленными в него, положил на стол, объяснил: – Это тебе от зайчика гостинец. Почти из леса; на самом деле в сквере на лавке нашел. Взял, потому что оно меня по-настоящему развеселило, а это редко случается. Пусть теперь тебя веселит.

– «От зайчика», значит, – потрясенно повторила Кара. – От зайчика, блин! Я тебя обожаю. Мой дедушка когда-то то же самое говорил, втюхивая мне кислые яблоки и черствые бутерброды, которые брал с собой на работу и весь день в кармане носил. В жизни не ела ничего вкусней.

– Многие говорили, из меня мог бы выйти отличный дедушка, – без тени улыбки согласился Гест. Заговорщически подмигнул Каре и покинул бар стремительно, как сквозняк.

Эдо

Проснувшись, подскочил, как ужаленный. Но далеко конечно не ускакал, на это не было сил. Какое-то время сидел на краю кровати, растирал лоб и виски непослушными спросонок пальцами. Думал: так, я живой, я дома, проснулся. Я проснулся, значит, это был просто сон. Просто сон, все в порядке, на самом деле никакой гадской дряни, поедающей сердце, во мне совершенно точно нет; ее вообще не существует в природе, мало ли что приснилось, успокойся, все ерунда, до завтра забудется, я быстро забываю сны.

Взял телефон, посмотрел время. Четыре восемнадцать – это я, получается, всего два часа проспал? Плохо дело. Как днем-то буду работать? Ладно, ничего, лучше уж до вечера ползать, как зомби, чем сейчас нарваться на продолжение, кошмары всегда возвращаются, если сразу снова уснуть.

Наконец встал, шатаясь побрел к холодильнику, достал банку колы, стоявшую там, кажется, еще с лета, когда делал коктейли для гостей. Приложил ледяную банку к щекам и к шее, наконец, решился, сунул ее за пазуху, под футболку. Предсказуемо взвыл. Отлично работало. Теперь точно не засну – ну, какое-то время. А потом можно попробовать. После долгого перерыва кошмары обычно не возвращаются. Скажем так, возвращаются далеко не всегда.

Пить холодную газировку ему не хотелось, вернул банку на место, включил чайник, прошел к окну, открыл его настежь, полной грудью вдохнул свежий осенний воздух. Дождь, моросивший весь вечер, наконец закончился, а запах влаги остался. Дивная ночь. И очень теплая для ноября. Даже хорошо, получается, что проснулся. А то бы все пропустил.

Чайник закипел, но он уже передумал заваривать чай. Вернее, просто поленился – не столько заваривать, сколько потом его пить. Вечно у меня так, ничего не хочу спросонок. Даже курить не хочу, только спать, – думал Эдо, откладывая в сторону портсигар. – Но засыпать сейчас все-таки лучше не надо. Потом, попозже. Хотя бы через полчаса.

Залез на подоконник с ногами, увидел, как вдалеке, в самом конце квартала бредет одинокий прохожий, судя по неуверенной походке, совсем не образец трезвости. Для нашего тишайшего района, можно сказать, выдающееся событие – пьяный на улице в начале пятого утра.

В городе Берлине живут предрассветные люди, они бродят по городу в ожидании утра, пьяные от ночной темноты, и исчезают бесследно, как только солнце взойдет, – привычно сформулировал Эдо и тут же яростно мотнул головой, чтобы выбросить из нее ненужную чепуху. Эта игра в Марко Поло, вечного стороннего наблюдателя, вдохновенно описывающего обыденную реальность, как незнакомый удивительный мир, давным-давно ему надоела. А вот он ей, похоже, не надоел. Вошла в привычку; собственно, именно это и скверно: сама идея когда-то была хороша, но привычки – убийцы радости. Всякий человек – главарь целой банды таких убийц, и я туда же. Вот зря.

На улице тем временем начал сгущаться поземный туман. Редкое зрелище – заборы, деревья, крыши, дорожные знаки и столбы с указателями видны отлично, а автомобили, припаркованные вдоль тротуара, как через мутное стекло, того гляди растают, как сахар в разведенном горячей водой молоке, исчезнут, как уже исчез нетрезвый прохожий – то ли за угол свернул, то ли просто растворился в тумане, не дожидаясь восхода солнца. Ай, да ну его.

Где-то вдали, аж за музеем небо озарилось пронзительным синим светом; Эдо невольно улыбнулся ему, как старому другу, но тут же поморщился, словно от боли: опять этот чертов синий на мою голову. Не деться от него никуда.

Синий свет преследовал его с лета, натурально сводил с ума, кружил голову, пробуждал какие-то смутные воспоминания о том, чего никогда не было, неведомо что обещал. Поначалу

всякий раз почему-то казалось, синий свет – что-то вроде послания, мучительно непонятного, не поддающегося расшифровке, но совершенно точно личного, предназначенного специально для него. Гонялся за этим синим светом по всему миру... Ладно, не будем преувеличивать, по Европе. Точнее, по сравнительно небольшой части ее. И не то чтобы вот прямо осмысленно гонялся, поди догони этот синий свет, который прельстительно сияет издали, но гаснет, как только пытаешься добраться до его источника, чем бы он ни был. Если вообще был, что, будем честны, довольно сомнительно. Зрительные галлюцинации могут случиться даже от самого обычного переутомления, это общеизвестный медицинский факт. А я к середине лета как раз зверски устал.

Невыносимо устал, полгода перед этим работал практически без выходных, потому и сорвался, отменил все дела, отправился на ближайший вокзал и уехал на первой попавшейся электричке, а потом все дальше и дальше, все равно куда, лишь бы ехать, не останавливаясь, не задерживаясь нигде, как в старые добрые времена, когда не мог усидеть на месте дольше недели, но даже неделю редко сидел. Ушел в отъезд, как нормальные люди, устав от рутины, уходят в запой, шлялся неведомо где почти половину лета и еще кусок сентября, пока не взвыли козлиным греческим хором все покинутые работодатели и заброшенные дела. Мотался без цели и плана, из одного незнакомого города в другой незнакомый, наугад, по прихоти железнодорожных и автобусных расписаний, как люблю больше всего на свете; почему-то именно в таких дурацких поездках особенно остро ощущаешь себя живым.

А синий свет – ну что синий свет, – думал Эдо. – Иногда появлялся, вспыхивал, прельстительно озарял небо, дразнился, навевал мечты о несбыточном, манил и сразу же гас. И вот опять дразнится. Ну молодец, что скажешь. Я бы и сам дразнился, попадись мне под настроенные такой наивный дурак.

– Сам дурак, – вслух сказал Эдо.

Сказал как будто синему свету, но на самом деле, конечно, себе. Потому что с самого начала отлично знал, куда ему надо ехать. Но предпочел делать вид, что не знает, упорно продолжал гадать на железнодорожных расписаниях: какой у нас поезд ближайший? До какой станции? Отлично, значит, мне сегодня – туда. Потому что проще, гораздо проще сказать себе: «Ну видишь, опять не в ту сторону, само так сложилось, я не виноват», – чем честно признаться: я боюсь туда ехать. Не знаю почему, но боюсь, как давно ничего не боялся, разве что в детстве, когда наслушавшись страшных историй, которые рассказывали другие дети, постарше, спрятавшись от взрослых на чердаке, бежал через двор, сдвигаясь от ужаса, что не успею уйти от невидимого врага, и тогда домой вернется скелет с обглоданными костями, страшный, мертвый не-я.

Ну ладно, в детстве – это понятно. А сейчас-то чего?

Зачем-то опять повторил: «Сам дурак», – и вдруг почему-то заплакал. Не навзрыд, конечно, по щеке скатилась всего-то одна слеза, щекозная, мокрая и горячая. Очень странное ощущение. Так и не понял, откуда она взялась и зачем была нужна. Когда я вообще в последний раз плакал? Да черт его знает; только на черта и надежда, потому что я давным-давно все забыл. И, в общем, правильно сделал. Прошлое – неинтересная штука. Что толку помнить в подробностях то, что уже все равно прошло.

Синий свет за окном разгорался все ярче, так что снова почти поверил – то ли в него, то ли в себя, то ли просто в практическую возможность однажды добраться до источника этого света и выяснить, откуда он все-таки взялся и зачем горит. Вспомнил собственную сентенцию, когда-то возведенную в правило, здорово помогавшее жить: «однажды» это или «прямо сейчас», или «никогда». Сполз с подоконника и почти всерьез принялся собираться в поисковую экспедицию, на улицу, в ночь, в туман. По крайней мере, достал из шкафа носки; всегда начинал одеваться с носков, почему-то они казались ему самым тягостным, скучным моментом процесса, все остальное происходило легко и быстро, как бы само собой. Но пока возился с

носками, синий свет за окном погас. Давно не хотел так дать кому-то по морде, как этому дурацкому свету; может быть, вообще никому, никогда.

Подумал: ай ладно, все к лучшему. Не самый удачный момент, носиться по улицам до утра. Мне же еще развеску заканчивать, в четыре уже открытие экспозиции, гореть бы ей синим пламенем. Тем самым, ага.

Поскольку злость надо было срочно куда-то девать, направил ее на себя. Вернее, на свой дурацкий иррациональный страх, настолько необъяснимый, такой нелепый для взрослого человека, что диву даешься, оглядываясь назад: это я, что ли, был? Нет, правда? Унесите пудинг, я так не играю. Верните нормального человеческого меня.

Включил планшет и одновременно достал блокнот с расписанием всех рабочих дней и текущих проектов, которое по старой привычке и отчасти из суеверного опасения отпугнуть удачу, записывал от руки, и с острым, почти физическим удовольствием вычеркивал, завершив. С удивлением обнаружил, что у него совершенно свободна почти неделя: двадцать седьмого ноября смена экспозиции в галерее Питера, и на этом до третьего декабря – все.

Вот и отлично. Обвел пустые дни ярко-красным маркером, нарисовал три восклицательных знака, означавших – «ничем не занимать». Решительно открыл сайт с авиабилетами, которым пользовался в тех редких случаях, когда нежно любимые им поезда по какой-то причине не подходили, ввел даты и пункт назначения, недовольно скривился, глядя на цены: они там что, охренели совсем? Это же почти за месяц до праздников, по идее, мертвый сезон. Но не позволил себе уцепиться за столь прагматичный предлог и отменить поездку, купил билет до города Вильнюса, вернее, два билета, туда и обратно. Не в один же конец. Подумал с хорошо знакомым злорадством, которое всегда испытывал, победив самого грозного противника в мире, самого себя: все, теперь не отвертись. И правда не отверчусь. Нельзя, чтобы пропали билеты. И дело, конечно, не в экономии. Всегда легко зарабатывал и так же легко тратил деньги, но терпеть не мог бессмысленных потерь. Всеми силами избегал тщетности, даже в мелочах.

Так устал – не от самой покупки билета, а от сопровождавшего ее душевного усилия, что сразу рухнул в постель. Подумал, скорее с надеждой, чем с уверенностью: ну, теперь-то продолжение того кошмара точно не приснится. Куча времени уже прошла.

А если даже приснится, тоже мне великое горе. Еще чего не хватало – всерьез бояться каких-то дурацких снов. И кстати, там же не только всякая дрянь за мной гонялась, было что-то еще... Да, точно, что-то совершенно прекрасное тоже мне снилось, а запомнилось почему-то невидимое чудовище, – думал он в полудреме, постепенно проваливаясь в сон, так глубоко, что наяву вообразить невозможно, только в сновидениях существуют пропасти, залитые счастливым теплым солнечным желтым светом, прекрасные, сладкие пропасти такой глубины, что если туда упасть, состаришься прежде, чем долетишь до дна, которого нет, конечно; дна вообще не бывает, это всего лишь игра ума, смешная концепция – будто где-то во вселенной существует какое-то «дно», которого каждый рано или поздно достигнет, и тогда случится... – вот интересно, что?

Проснулся в холодном поту, от удара, которого, кажется, все-таки не было, так что, будем считать, проснулся всего лишь от предчувствия его. Не встал, вывалился из постели, скорчился на полу, обхватил свое тело руками так крепко, словно оно было вылеплено из глины и теперь могло развалиться, уже пошло трещинами, но глина сырая, и это хорошая новость, пока человек жив, глина сырая, себя можно склеить заново, перелепить, собрать.

Медленно приходил в себя. Все хорошо, за окном рассвело, уже утро, и я, кажется, цел... погоди, а могло быть иначе? Ты правда веришь, будто можно разбиться, упав в пропасть во сне? Подумал: да не верю, конечно. Но эта дурная пропасть, похоже, верит в меня.

Встал, включил кофеварку. Выглянул в окно проверить, какая погода, и невольно содрогнулся: после дурацкого сна о падении в пропасть, смотреть на тротуар с высоты всего лишь четвертого этажа оказалось совершенно невыносимо. Даже колени ослабли, а пальцы ног, наоборот, напряглись, словно бы пытаясь покрепче вцепиться в пол. Спасибо, дорогое артистическое воображение, я тебя высоко ценю. Ладно, ничего, это мы уже сто раз проходили. Человеку свойственно бояться всякой безобидной ерунды, начиная от пауков с тараканами, и заканчивая приятным видом из собственного окна, но с этим можно работать. Боишься? Ладно, сиди и смотри на воплощение своего ужаса, пока не надоест.

Поэтому кофе пил, сидя с ногами на подоконнике – медленно, глоток за глотком, ухмыляясь все с тем же злорадством, с каким покупал среди ночи билеты. Хрен тебе, дорогое артистическое воображение. Не пройдет.

Альгирдас

– Мне хватит, – сказал Альгирдас, для убедительности накрывая стакан ладонью. – Скоро заступать на дежурство. Хорош я буду, если спьяну куда-нибудь не туда усну.

– А что, разве с тобой такое случается? – удивился Тони Куртейн.

Все-таки Альгирдас – это Альгирдас. Он крут, и это не похвала, а – ну просто его неотъемлемое свойство, как ранняя седина, широкие плечи, бледно-голубые глаза.

– Да было однажды, – усмехнулся тот. – Давно, лет пятнадцать назад. Вместо нормального рабочего сновидения, где собираются патрули, бесцеремонно вломился в сон соседа-студента. Такие девчонки тогда мне приснились, видел бы ты! Но я и сам в том сне был прекрасен, как тысяча принцев. По крайней мере, отражался таким во всех зеркалах. До утра ухлестывал за девицами, даже не вспомнив, что не развлекаться, а работать уснул. До сих пор вспоминать стыдно, кучу народу тогда подвел. Хотя Ханна-Лора только посмеялась – ну, ты ее знаешь. Сказала, это что-то вроде боевого крещения, один раз с каждым должно случиться, просто чтобы знать, как не надо. И она права. Я с тех пор навсегда уяснил, чего не стоит делать перед дежурством. Например, совершенно точно – не обжираться. Выпить в принципе можно, но не больше бутылки пива или двух рюмок чего покрепче. И не позже, чем за пару часов до сна. Поэтому сделай мне чаю, если не трудно.

– Тоже мне, великие трудности. Хочешь чаю с Другой Стороны? Мне недавно подарили благодарные контрабандисты; жалко, забыл, как называется, у нас ничего похожего вроде бы нет. Смешной, почему-то с привкусом ирисок. Я его про себя называю «детский чай».

– А ну-ка покажи, – оживился Альгирдас. Сунул нос в коробку, понюхал с видом знатока. – Так это же молочный улун. Среди настоящих ценителей считается несерьезным напитком. Но мне как раз нравится. Ну, то есть не то чтобы именно мне. Моему второму. Но разница, сам понимаешь, не особенно велика.

Альгирдас – такой же двойной человек, как сам Тони. То есть с двойником на Другой Стороне. Это большая редкость, мало кто из людей так устроен. Правда, некоторые философы утверждают, будто двойники есть вообще у всех; существует даже старинная теория, пережившая несколько Исчезающих Империй, согласно которой, двойников у каждого бесконечное множество, по числу хоть каким-то образом, хотя бы условно населенных миров. Может, оно и так, все равно не проверишь, – думает Тони Куртейн, – но на практике связь со своим двойником на Другой Стороне осознают и поддерживают считанные единицы. Забавно, кстати, что эта способность никаким образом не коррелирует с остальными личными качествами: двойной человек может оказаться каким угодно, в том числе и паршивым засранцем. Поэтому городским властям во все времена было непросто отыскать мало-мальски подходящую кандидатуру на должность смотрителя Маяка. Любой двойной человек, если его обучить, будет светиться на Другой Стороне. Но не всякий свет – свет.

Альгирдас как раз мог бы стать отличным Смотрителем, но Тони Куртейн успел первым. Просто родился раньше на целых семь лет, хотя из-за седых волос Альгирдас выглядит его старшим братом. Но какая разница, кто как выглядит, если есть так, как есть. В ту пору, когда прежний смотритель написал прошение об отставке, Альгирдас еще был старшеклассником, а Тони – вполне взрослым человеком. Поэтому на Маяк позвали его. Зато потом на Альгирдаса наложила лапу городская Граничная полиция в лице ее начальницы Ханны-Лоры. И ее можно понять. Немыслимая удача – заполучить на службу такого человека, вернее двух сразу – Альгирдаса на Этой и его двойника на Другой стороне. Оба, кстати, отбрыкивались, как могли, поскольку считали себя анархистами: как это, я – и вдруг стану служить в полиции? Вы с ума сошли? Но от судьбы поди отбрыкайся. Вот и они не смогли.

Вода в чайнике начала закипать; Тони давно научился ловить этот момент не глядя, на слух, по такому особому умиротворяющему шуму. То есть, когда пение чайника начинает тебя убаюкивать, надо быстро вскакивать и снимать его с огня. В жизни, что интересно, многое так устроено: действуй, когда, по идее, можешь, но тебе не особенно хочется, потом непременно выяснится, что это был самый подходящий момент. Это смешно и одновременно немного досадно. Впрочем на самом деле ни то, ни другое. Просто факт.

– Давай-ка я сам заварю, – предложил Альгирдас. – А ты смотри и запоминай, как это делается. Улун такой хитрый чай, на другие не очень похож. Его лучше заваривать понемногу и сразу же разливать по чашкам, ему нельзя долго настаиваться, вкус испортится. Зато можно много раз добавлять воды, и какое-то время чай будет становиться только лучше и лучше. Такой интересный эффект.

– По-моему, как-то чересчур хлопотно, – усмехнулся Тони Куртейн. – Словно чаепитие – не отдых, а работа, которую надо сделать как можно лучше.

– Есть такое. На Другой Стороне, прикинь, даже существует профессия «чайного мастера». Такой специальный повар, который никогда ничего не готовит, а только заваривает чай и разливает его по чашкам с подходящей каждому сорту скоростью. Но мне нетрудно. Ну и просто любопытно, как оно получится у меня наяву. Некоторые вещи интересно делать своими руками. И потом пробовать собственным ртом.

– Это точно, – подтвердил Тони Куртейн.

И подлил себе горячего гранатового вина, сваренного по рецепту его двойника, который, черт бы его побрал, вот прямо сейчас энергично режет салат на большую компанию, и это немного сбивает с толку: руки так и чешутся тоже что-нибудь покромсать. Зато в такие моменты, – думает Тони Куртейн, – когда я почти перестаю понимать, где заканчивается один из нас, и начинается второй, свет моего Маяка – всех наших двадцати восьми или сколько их там уже, маяков, столь ярок, что ладно, черт с ним, потерплю.

– Что именно ты потерпишь? – спросил Альгирдас.

– А я сказал это вслух? Смешно получилось. Вот поэтому люди и думают, будто все смотрители Маяка с приветом; в каком-то смысле так оно и есть. Мой второй, понимаешь, сейчас строгаёт салат, и мне тоже явственно не хватает ножа в руке и невинной жертвы с твердым хрустящим телом. Капуста вполне подошла бы. Например. Это скорее забавно, чем по-настоящему трудно, но елки, какая удача, что я сейчас не за рулем!

– Так ты же вроде не водишь?

– С чего ты взял? Раньше еще как водил. Просто стало некуда ездить. Куда я денусь от Маяка? Разве только в бар за углом.

– Да ладно тебе, – недоверчиво нахмурился Альгирдас. – Не на привязи же ты тут сидишь.

– Формально – да, не на привязи. Но, по сути, что-то вроде того. Просто сам не хочу надолго отлучаться. Хотя считается, смотрителю Маяка совершенно ни к чему постоянно сидеть в служебном помещении. Теоретически помещение вообще не играет никакой роли, оно нужно только для комфорта зрителя, чтобы не болтался по улице туда-сюда. А на практике, знаешь, все-таки Маяк есть Маяк. Пока я здесь, ему веселее и проще светить; звучит, как полная ерунда, но так уж я чувствую. И двери для вернувшихся на мой свет с Другой Стороны не где попало, а именно здесь открываются. Согласно служебной инструкции, смотритель Маяка вовсе не обязан лично всех встречать на пороге; раньше так и не делали, никто из моих предшественников ради очередного бродяги задницу от кресла лишний раз не отрывал. Считалось, сами разберутся, не маленькие; если что, в холле всегда есть бутылка бренди, сердечные капли и городской телефон. Но как по мне, все-таки лучше, если в такой момент рядом окажется кто-нибудь понимающий. Встретит, обнимет, скажет: «Мы тебя очень ждали, добро пожаловать домой». Звучит, сам понимаю, излишне сентиментально, но если бы я сам заплутал на Другой Стороне, а потом вернулся, хотел бы этого для себя.

Так бы и сказал, что боишься не оказаться на месте в самый интересный момент, – подумал Альгирдас. Но вслух конечно ничего такого говорить не стал, только спросил, чтобы сменить тему:

– Слушай, а это правда, что из окна твоей спальни всегда видно Зыбкое море? Даже в те годы, когда оно появляется где-нибудь на окраине, и дорога из центра до пляжа занимает часа полтора?

– Может, и правда, – улыбнулся Тони Куртейн. – Когда я выглядываю в окно, я действительно вижу море. Но увидят ли его остальные, не знаю. Не проверял. Хочешь, сходи посмотри. Один, без меня, для чистоты эксперимента. Если что, спальня – самая дальняя комната на втором этаже.

– А можно?

– А почему нельзя? Никаких тайн у меня в спальне нет. Я бы, может, и не прочь завести пару-тройку таких специальных приятных секретов, из-за которых в спальню лучше чужих не пускать. Но это, знаешь, то же самое, что с поездками – вроде бы не запрещено никакими инструкциями, но как-то не складывается у меня. Ханна-Лора однажды сказала, я – одержимый, таким уж уродился, и это отлично для дела, то есть, для Маяка и нашего света. Но не для человека-меня.

Альгирдас сочувственно кивнул, пообещал: «Я быстро», – бегом взобрался по лестнице на второй этаж, вошел в дальнюю комнату, где стояла аккуратно накрытая куском очень старого, застиранного почти до прозрачности корабельного паруса большая кровать. Подошел к открытому настежь окну, осторожно выглянул, заранее готовый к чему угодно. Но вместо чего угодно за окном была просто улица, мокрая от недавнего дождя, усыпанная опавшими листьями, освещенная разноцветными фонарями в виде тропических рыб. Ветер притащил откуда-то разноцветную мишуру, какой обычно украшают ярмарочные павильоны, и теперь совершенно по-кошачьи гонял ее туда-сюда, а на углу курили и увлеченно спорили, размахивая руками, завсегдатаи бара «Злой Злодей» во главе с его собственной двоюродной теткой Норой. И никакого тебе Зыбкого моря, что в общем совершенно нормально. В этом сезоне ближайший пляж примерно в трех километрах отсюда. И совсем в другой стороне.

Развернулся было, чтобы идти обратно, но в нерешительности остановился – может, окно стоит закрыть, чтобы весь дом не выстудить? Вечер сегодня холодный, а ночь будет еще холодней. Или оставить, как есть, пусть Тони сам закрывает, когда замерзнет, он хозяин, ему видней? Пока думал, на дом неизвестно откуда с веселым ревом вдруг набежала волна, звонко ударилась о фрамугу и разлетелась нахальными пенными брызгами, окатив Альгирдаса – спасибо хоть не с ног до головы, всего лишь от подбородка до лба, считай, аккуратно умыла. И исчезла, как будто ничего не было, не оставив ни единого следа, кроме небольшой лужи на подоконнике, да мокрого Альгирдасова лица.

Он почти машинально утерся, лизнул палец, озадаченно усмехнулся – и правда соленая. Самая настоящая морская вода. Посмотрел вниз, на улицу, убедился, что там все осталось, как было: фонари, деревья, шумные тетки из бара и даже принесенная ветром ярмарочная мишура. Но и лужица морской воды на подоконнике тоже на месте. Значит, не померещилось, была волна. Чокнуться можно, что здесь, на Маяке, оказывается, творится. Ну и дела.

– Ну что, видел море? – спросил Тони Куртейн, ласково и снисходительно, как взрослые разговаривают с детьми.

– Не то чтобы именно видел. Зато, можно сказать, искупался, – стараясь выглядеть предельно невозмутимым, ответил Альгирдас. – К тебе в окно внезапно вломилась какая-то невоспитанная волна. Впрочем, сразу исчезла, оставив лужу на память, вместо записки. Хочешь, сходи, посмотри. Я на всякий случай не стал ее вытирать.

– Такое тоже порой бывает, – флегматично кивнул Тони Куртейн. – Пару раз приходилось среди ночи сушить постель. Тебе не надо переодеться? А, уже вижу, у тебя только башка мокрая. Полотенце дать?

– Да ну, не надо. Сам высохну. На самом деле, удачно получилось. Так заработался, что за все лето ни разу не добрался до пляжа. А это очень приятно – когда кожа и волосы пахнут морской водой. Я твой должник.

– Тогда уж не мой, а Зыбкого моря. Я же ничего специально не делал, чтобы к окнам его подманить. Оно само приходит, по собственной воле. Видимо, считает, если уж тут Маяк, значит и море должно хоть каким-то образом быть... Жалко, что ты моего горячего вина больше не хочешь. В смысле не можешь перед работой. А то выпили бы сейчас за него.

– Ладно, еще немного, пожалуй, можно, – улыбнулся Альгирдас. – После такого... скажем так, умывания не выпить за наше Зыбкое море – великий грех.

Сел в кресло, вытянул ноги, принял из рук смотрителя Маяка кружку с горячим вином, сказал с присущей ему прямоотой, которую многие считали бестактностью, но сам он в себе и других ее высоко ценил:

– Ты имей в виду, мне примерно через полчаса надо будет выматываться. Поэтому если ты меня не просто так в гости зазвал, а по делу, самое время о нем поговорить.

Тони Куртейн с досадой поморщился.

– Да ладно тебе – «по делу». Что ж я, не живой человек? Не могу просто соскучиться?

– Можешь, конечно – теоретически. А на практике, пожалуй, и не припомню, когда ты в последний раз просто так, ради удовольствия кого-нибудь в гости звал. Что в твоём положении совершенно нормально. Не забывай, я-то тебя хорошо понимаю. Когда живешь двумя жизнями сразу, в здешнюю довольно мало помещается. В основном работа, будь она четырехжды благословенна, но все-таки и проклята тоже. И другие неотменяемые дела.

– Ты в мою жизнь как раз вполне помещаешься, – невольно улыбнулся Тони Куртейн. – Причем именно потому, что хорошо меня понимаешь. В моем положении понимающий собеседник – великая роскошь. А я – сибарит. А дело... ну, слушай, а то сам не знаешь, какое у меня к тебе может быть дело. Вечно одно и то же: расспросить о твоей работе. Как уже трижды расспрашивал. И еще сколько раз поймаю, столько и расспрошу.

– Ловить не придется, – в тон ему ответил Альгирдас. – Сам буду к тебе ходить, как на пляж, со своим полотенцем. Ты, как внезапно выяснилось, выгодное знакомство. У тебя море всегда прямо за окном. Только не уверен, что тебе от меня будет хоть какая-то польза. У меня нет никаких новостей. С лета ничего принципиально не изменилось. Я имею в виду, сны про желтый свет Маяка все такие же страшные, как стали в июле или когда там у вас с напарником самое веселье началось... Для тебя это, как я понимаю, хорошая новость. Ну и для нас с ребятами тоже вполне ничего. На этом участке патрульным работы почти не осталось. Больше не надо сновидцев от Маяка гонять. Сами не идут. Что, конечно, для меня совершенно удивительно, никак не привыкну. Раньше приходилось их натурально силой оттаскивать, как ночные мотыльки летели на гибельный желтый свет. Как минимум раз в месяц кто-нибудь да появлялся, а быть наготове приходилось всегда. А теперь – спасибо, не надо нам вашего желтого света, сами смотрите этот свой волшебный сон. Страшный ты, оказывается, человек, Тони Куртейн!

– Ну, кстати, да. Уж что-что, а пугать я точно умею. В детстве такие страшные сказки иногда на ходу сочинял, что до конца истории почти никто на чердаке не досиживал; правда, потом возвращались и просили еще, – невесело усмехнулся тот. Помолчал и добавил: – Этот лживый, предательский желтый свет Маяка, который снится заблудившимся на Другой Стороне, самая горькая боль моей жизни – с тех пор, как я о нем узнал. То есть, еще задолго до того, как Эдо сгинул. Специально это тебе говорю, а то думаешь небось, только из-за него и стараюсь, других бы спасти не стал.

Альгирдас отрицательно помотал головой, хотя, положив руку на сердце, именно так и думал. Все вокруг примерно так думали. Может, и правда, зря.

– Эдо – это, конечно, моя большая беда, – сказал Тони Куртейн. – Если он никогда не вернется домой, я, наверное, даже после смерти себя не прошу. Так и буду вечно скитаться бездомным духом по ту сторону жизни и есть себя поедом, пока до полного небытия не дою. Он же, можно сказать, с моей подачи сгинул на Другой Стороне. Конечно, не потому, что я подкинул ему идею, как можно интересно провести выходные. Наоборот, с излишним энтузиазмом расписывал тамошние опасности, о которых никто думать не хочет, пока сам не вляпается. Увлёкся, как это со мной бывает, кучу неприятных вещей ему наговорил. А Эдо – ну, ты же сам, наверное, помнишь, каким он был – решил победить всех сразу, одним красивым ударом. Другую Сторону, тьму забвения, тайный страх перед ней в своем сердце и меня, скучного дурака. Доказать личным примером, что главное в любых обстоятельствах – оставаться веселым и храбрым, любопытным искателем приключений, и тогда обе реальности покорно лягут к твоим ногам: лепи из нас, дорогой, что пожелаешь. А что забвение камня на камне не оставит от веселья и храбрости, отберет все опоры, бросит тебя одного с затуманенным разумом, как беспомощного младенца посреди морока чужой жизни, и близко не похожей на книжные приключения, он, конечно, в расчет принимать не стал. Решил, его это не касается. Только всех остальных.

Альгирдас молча кивнул – что тут скажешь. Трудно о таких вещах говорить.

Тони Куртейн подлил себе вина, но пить не стал, поставил кружку на стол, отвернулся и, похоже, сразу о ней забыл.

– Я потому и вспылел тогда, что с первого дня работы на Маяке – ну, то есть с тех пор, как узнал все, о чем по инструкции знать положено – всем сердцем горюю о тех, кто сдуру покинул пределы пограничного города и обрек себя на забвение. Не понимаю, как на такое можно решиться в здравом уме. А еще больше – о тех несчастных, кого во сне приманил теплый желтый свет забытого дома и лишил последней надежды не только вернуться, но хотя бы однажды во сне, или в пьяном тумане, или в горьком бреде безумия вспомнить себя, потому что вспоминать стало не о ком. И искать больше некого, хоть общись. Жуткая штука этот наш желтый свет. И бесконечно подлая. Не понимаю, как такое вообще возможно. В чем тут ошибка? И чья? Древнего хромого жреца с двумя лицами, ставшего, согласно преданиям, первым смотрителем первого Маяка? Одного из его преемников? Творца Вселенной, который вообще не факт, что хоть где-нибудь есть? Или лично моя – что сдуру родился в мире, где все настолько нелепо устроено? Твердо знаю только одно: так не должно быть. Мой Маяк нужен, чтобы приводить домой заблудившихся странников. Уж точно не для того, чтобы окончательно их губить.

– Баланс, – неохотно сказал Альгирдас. – Вселенная за каким-то бесом все время к нему стремится. Все должно быть уравновешено, любой ценой. Поэтому, в частности, у всякой реальности непременно есть изнанка, у всякого человека – тайный двойник, у всякого доброго дела, вроде твоего Маяка – гибельная подкладка. А всякое безусловное зло, говорят, способно в любой момент обернуться великим благом, хотя кто угодно свихнется, пытаясь вообразить, каким.

– Все, кого ни спроси, твердят про этот чертов баланс, – вздохнул Тони Куртейн. – А я, знаешь, иногда думаю, да хрен бы с ним, с балансом, который якобы любит Вселенная. Она-то, может, и любит, кто ее знает. Просто дело не в этом. А в том, что очень уж жадное, хищное и жестокое место наша Другая Сторона. Гораздо страшней, чем мы о ней думаем, я это имею в виду. Каких только ловушек не изобретает, чтобы захватить себе рожденного за ее пределами, поддержать, поиграться, натешиться, а когда надоест, убить, накормить свою страшную темную смерть редким экзотическим кормом, не положенным ей по праву. На этом месте у меня язык так и чешется сказать: «Просто вообще никому из наших не надо туда ходить, слишком велик риск заплатить за эти прогулки непомерно высокую цену», – но это, конечно, глупости, я и сам

понимаю. Запреты еще никогда никого не спасали от бед, а только множили их... Ладно. От моих рассуждений ничего само не исправится. Спасибо тебе за новости, я рад, что желтый свет Маяка стал откровенно страшным, и люди во сне от него шарахаются. Всегда об этом мечтал, да не знал, как устроить. А оказалось, ничего специально делать не надо. Достаточно просто хотеть этого с такой страстью, что на все остальные желания, чувства, радости, и что там еще положено живому человеку, уже не хватает сил... Ай, не слушай меня, заврался. Что я умею, так это себя накрутить. Хватает, конечно. Не всегда, но почти всегда.

– Ты устал, – не спросил, утвердительно сказал Альгирдас.

– Да тоже черт его знает, – пожал плечами Тони Куртейн. – Вот прямо сейчас – да, устал. Но еще прошлой ночью скакал, не чуя земли под ногами, так разогнался, что дома сидеть не мог, полгорода обошел, как трамвай, по рельсам, только что на стыках не дребезжал. И еще, верь мне, буду скакать. А что трудно – ну, елки. Работа есть работа. Так не бывает, чтобы все всегда давалось легко. Ты мне еще вот что скажи... – и умолк, не закончив фразу.

Альгирдас нетерпеливо поднял бровь:

– Сказать тебе – что?

– Я знаю, что ваши патрули действуют только на территории пограничного города, то есть нашей Другой Стороны. Но не совсем понимаю, что именно это означает: что вам подконтрольны сновидения людей, уснувших на данной территории, или всех тех, для кого она стала местом действия сна? Иными словами, если человек уснул в каком-то другом городе и увидел во сне желтый свет Маяка...

– Да, я понял. В этом случае мы, к сожалению, ничего сделать не сможем. В сновидениях мы не выходим за пределы своей территории. А желтый свет Маяка настигает людей в тех местах, где они спят. В точности, как наяву синий, который с лета стали видеть в других городах.

– То есть спящие за пределами пограничного города остаются без защиты патрульных? – нахмурился Тони Куртейн. – Этого я и боялся. Так боялся, что даже не решался тебя расспросить. Но сегодня подумал: ладно, какого черта. Факты не перестанут быть фактами только потому, что в моем сердце жива надежда на более оптимистическую картину. Поэтому надо знать, как на самом деле обстоят дела.

– Но твоя-то защита где угодно работает, – заметил Альгирдас. – Желтый свет Маяка теперь везде страшный свет, на который никто идти не захочет.

– Бывают очень храбрые люди. Которые даже во сне способны действовать, невзирая на страх.

– Стефан, начальник Граничной полиции Другой Стороны, говорит, жизнь там устроена так, что сильные, храбрые люди даже до совершеннолетия не доживали бы, если бы не были фантастически удачливы. Он считает, что незаурядной храбрости часто сопутствует незаурядная же удача. Так, по его словам, проявляется высшая справедливость Вселенной; собственно, все тот же баланс, о котором тебе слушать тошно.

– Ничего, как-нибудь потерплю, – усмехнулся Тони Куртейн. – Хрен с ним, с балансом. Пусть будет, если уж Вселенной приспичило. Особенно, если он проявляется именно так.

Люси

Подумала: смеркается, надо бы включить лампу, но вместо этого встала, отложила в сторону кофту с непришитыми пуговицами, на середине, так и не выяснив, кто чей любовник и кто убийца, остановила кино, оделась, вышла из дома и пошла. Причем без каких-то драматических мыслей, вроде «сейчас или никогда». Сейчас, или завтра, или когда-нибудь потом, рано или поздно, так или иначе, однажды я приду туда наяву, – думала Люси, сворачивая на улицу Бокшто.

Просто не надо бояться обломов и неудач, – думала Люси. – А наоборот, заглядывать в этот чертов двор каждый день, по расписанию, как на работу. Уж точно не обходить его десятой дорогой, чтобы, не дай боже, не убедиться, не увидеть собственными глазами, что наяву там все совсем не так, как в моих замечательных снах. Вот уж правда, было бы, о чем беспокоиться. Заранее ясно, что наяву все всегда совершенно точно не так. Это давно не новость, с тех пор, как ревела в четыре года, не обнаружив в спальне приснившегося серого щенка. И тогда же, наревевшись всласть, поняла, сама себе объяснила таким специальным взрослым внутренним голосом, что в этом в общем нет ничего страшного: некоторые вещи существуют только во сне, как печка – только в доме деда и бабки, в родительскую квартиру ее не утащишь. А оттуда нельзя забрать с собой любимое кресло и подаренный папой на день рождения самодельный кукольный дворец. Но это не означает, что где-то хуже, а где-то лучше. Просто по-разному. И очень здорово, что можно жить по очереди то там, то там.

А что некоторые сны сбываются, вернее, овеществляются, продолжаются наяву, как однажды оказался прекрасной, хоть и жуткой на первых порах, с непривычки правдой трамвай, увозящий своих пассажиров на Эту Сторону, зыбкую городскую изнанку, где быть человеком по умолчанию радостно и легко – так это просто щедрый подарок, всегда желанный, но никем заранее не обещанный, его нельзя ни выпросить, ни заслужить. Иногда сам приходит в руки, и это огромная радость, лучшее, что вообще может случиться. Но глупо впадать в отчаяние всякий раз, когда подарка не принесли, – вот о чем думала Люси, пока шла по улице Бокшто к воротам, ведущим во двор, куда столько раз заходила во сне, что наяву стала обходить его стороной – просто для равновесия. Ну и чтобы лишний раз не убеждаться, не видеть своими глазами, что никакого чудесного, лучшего в мире кафе там на самом деле нет. Потому что разумные рассуждения дело хорошее, но кроме головы есть еще и сердце. А с ним поди договорись.

Сколько раз говорила себе: надо, обязательно надо почаще туда заходить, потому что пока не придешь к невидимому порогу, не узнаешь, откроются для тебе наяву двери Тонного кафе, где во сне ты уже который год любимая гостья, или там по-прежнему ничего нет, только старый заброшенный дом ехидно ухмыляется заколоченной дверью, шуруется слепыми, темными окнами: извини, девочка-девочка, Черная Рука занята другими делами, не придет сегодня по твою душу, велела кланяться, передавала привет.

Говорила, но никак не решалась перейти от слов к делу. Вроде бы считала себя храброй; собственно, и была храброй, без железных нервов нормальному человеческому человеку совершенно нечего делать на Этой Стороне, но тут почему-то робела. Нашла коса на камень, что называется. Очень уж ей нравилось это кафе и компания, которая там собирается, очень хотела однажды прийти туда наяву, очень боялась, что наяву ее там не примут. Обидно было бы обнаружить, что именно в этом вопросе ты не Та Самая Люси, бесстрашно пересекающая границы между реальностями, какой иногда, чего уж там, в блеске и славе предстаешь перед собой в собственной же голове, а обычная незадачливая мечтательница. Такая, как все.

На самом деле даже смешно – было бы, если бы о ком-то другом узнала, что он из-за такой ерунды боится отправиться на поиски каких-нибудь удивительных штук. А тут – сама.

Дедушка Жюль в подобных случаях говорил: никогда не знаешь, что за дурь тайком свила гнездо в твоей светлой голове и каких она там может высидеть дуренят.

Но дуренята, надо думать, за лето выросли, выпорхнули из гнезда и улетели на юг; по крайней мере, в сумерках Люси встала, бросив кино и шитье, оделась и отправилась на улицу Бокшто. Плевать, получится, не получится, откроются передо мной невидимые двери, или даже мельком не примстится ничего путного. Важно вообще не это. Важно быть человеком, который сделал, что мог, – думала Люси. – И продолжает пробовать, если не вышло. Не разочаровывается, не ноет, не оплакивает несбывшиеся фантазии, а просто снова встает и идет, спокойно и деловито, потому что так надо. Вот надо, и все.

Когда Люси спокойно и деловито входила во двор десятого дома по улице Бокшто, сердце ее не колотилось о ребра, а размеренно билось, семьдесят ударов в минуту, как всегда. И земля не уходила из-под ног, и взгляд не туманился. Что, впрочем, не мешало спокойной и деловитой Люси спокойно и деловито налететь на какого-то прохожего, спокойно и деловито сбив его с ног.

Ну, то есть нет, не настолько трагично, на землю рухнул не сам прохожий, а только пакеты, которые он нес. И Люси тоже немножко рухнула, но не на землю, а прямо в объятия незнакомца, рассудив с присущей ей девичьей мудростью – если уж руки освободились, лови меня!

Ну и он поймал, такой молодец. И рассмеялся. Люси высоко ценила людей, которые реагируют на неприятные неожиданности искренним смехом. Таких на самом деле очень мало на свете, буквально на пальцах можно пересчитать.

– Вы – мой сегодняшний улов, – объявил незнакомец. – Но уху из вас, ладно, варить не стану. Отпущу на волю, как мелкую рыбку, предварительно накормив. Вы же ко мне идете? Хорошо, что сейчас пришли, а не раньше. У меня сливки внезапно закончились, и картошки осталось всего кило полтора, пришлось все бросить и срочно бежать в магазин.

– Извините, – наконец сказала Люси. – Это я только с виду мелкая рыбка, а на самом деле адский неуклюжий медведь из ада, посланный самим Люцифером специально, чтобы причинять зло ни в чем не повинным людям... Ой, мамочки. Ой!

Первое «ой» и сопровождающие его «мамочки» означали, что до Люси постепенно начал доходить смысл услышанного. А второе «ой», которое с восклицательным знаком, что она наконец-то его узнала. Темноглазый блондин, здоровенный, как настоящий адский медведь, куда уж ей, самозванке, это и есть Тони, хозяин и по совместительству повар кафе ее мечты, в смысле, сладких полуночных грез. Это конечно надо уметь – собственное сновидение наяву чуть с ног не сбить.

– Какая же я везучая, – наконец сказала она.

– Есть такое дело, – подтвердил Тони. – За все это время вы – вторая, с кем я вот так вот случайно столкнулся во дворе. Причем первым был сам Стефан, шеф Граничной полиции; ну уж он-то, не сомневайтесь, и без моего сопровождения в кафе распрекрасно зашел бы. Просто Стефан такой человек, ему нравится некоторая избыточность, в том числе, избыточные чудесные совпадения. И он, понятно, ни в чем себе не отказывает. Как сейчас принято говорить: «потому что могу». Идемте. Чего мы стоим?

Одной рукой он продолжал придерживать Люси, другой ловко подобрал с земли свои многочисленные пакеты. Подмигнул:

– У меня офигенная интуиция, как знал, что яйца сегодня лучше не покупать.

И не давая опомниться, увлек ее за собой вглубь двора, к тому самому заветному дому, который выглядел сейчас как обычно, то есть, как всегда выглядел наяву: старый, добротный кирпичный дом, с плотно закрытыми темными окнами и полустертыми граффити на стенах. Но и вывеска из сновидений – чистая белая доска без единого слова, или хотя бы рисунка –

тоже была на месте. И такой же белый фонарь над дверью, который на Люсиной памяти никогда не светил, но сейчас вдруг мелко суетливо замигал, явно обещая разгореться.

На пороге Тони отпустил ее руку. Неожиданно строгим тоном, как инструктор по какому-нибудь экстремальному спорту, сказал:

– Я сейчас войду первым. И включу свет. А вы заходите следом. Не беспокойтесь, если ничего не получится, я за вами вернусь. Но что-то мне подсказывает, что никаких проблем у вас не возникнет. Видимо, все та же самая интуиция, которая велела сегодня обойтись без яиц. Просто вам же будет лучше, если сами войдете. Я имею в виду, этот опыт придаст вам уверенности и наверняка не раз пригодится потом.

Люси не успела кивнуть, как Тони куда-то исчез. Во сне такое – обычное дело, но наяву все-таки перебор. Даже на Этой Стороне люди вот так запросто не исчезают. По крайней мере, при ней никто никогда не исчезал.

Стояла, как последняя дура у запертой двери, под мигающим фонарем, спрашивала себя: что это вообще было? И почему оно так быстро прошло? Но в это время дверь распахнулась перед ее носом, так стремительно, что Люси невольно отшатнулась. Но тут же взяла себя в руки и вошла в кафе.

Замерла на пороге, вдохнула аромат кофе, горячего хлеба, пряностей и чего-то упоительно жареного, возможно, просто картошки с амброзией или божественной сомы с луком, поди вот так сразу пойми. Недоверчиво огляделась – окна плотно зашторены, лампы пригашены, кроме них с Тони в помещении никого нет, и от столь вызывающей пустоты прежде всегда людного места в воздухе повисло что-то подозрительно похожее на саспенс, которого и в помине не было в ее сладких снах про это кафе. Ну хоть тревожная музыка не звучит, и на том спасибо. Зато у Тони приветливая улыбка до ушей, в руках тарелка и поварешка, а на плите стоит здоровенная кастрюля, и булькает столь прельстительно, что никто от нее не уйдет в здравом уме.

– Испугались? – сочувственно спросил Тони. – Ничего, не берите в голову. Почти со всеми такое бывает, когда впервые приходят сюда наяву. Вроде бы трансформация материи так действует на неподготовленных людей. Но вы-то, по идее, давно должны были привыкнуть к подобным вещам, бегая между Этой и Другой Стороной.

Люси вздохнула, мысленно перекрестилась, чего прежде не делала никогда, и решительно пошла к барной стойке. Потрогала оказавшийся на ее пути стул – надо же, совершенно как настоящий. Сказала:

– Вы гораздо хуже трамваев Этой Стороны. Трамвай так, знаете, медленно, вкрадчиво, понемножку приближается издалека, деликатно позвякивая на ходу, пока доедет до остановки, поневоле успеешь привыкнуть к мысли, что он здесь ездил всегда. А вы – бац! – и есть. А потом бац! – и нет. И вдруг опять – бац! – и есть.

– Бац! – с удовольствием повторил Тони. – Да, «бац, и есть» – это в точку. Это – правда про нас.

С этими словами он достал из кармана маленькое зеленое яблоко и положил его на барную стойку; Люси невольно улыбнулась, увидев, что в яблоко вставлены такие же зеленые, как его кожа, кукольные глаза. Сказал:

– Нашел по дороге из магазина. Так и знал, что к добру, но не мог придумать, к какому именно. А теперь понятно, к какому: вы сюда пришли. Будет теперь работать здесь талисманом, облегчающим путь наяву хорошим гостям.

– Вообще-то я планировал открыть здесь пиццерию, – признался Тони, подливая в Люсину тарелку горячего острого томатного супа, в такую собачью погоду самое то. – Самую обыкновенную пиццерию, я имею в виду. Маленькую, хорошую, с очень коротким меню, ради которого клиенты, прочухав, что здесь творится, в очередь будут записываться.

– И ведь записывались бы, – поддакнула Люси, насколько это было возможно с набитым ртом. И к супу, и к самому Тони она сейчас испытывала необычно сильное чувство, подозрительно похожее на религиозный фанатизм.

– Я очень хорошо все продумал и распланировал, до сих пор горжусь. Собирался работать всего четыре дня в неделю, с четверга по воскресенье и только по вечерам, чтобы работа подольше оставалась удовольствием, и никого не пришлось нанимать, кроме, может быть, посудомойки, если дела хорошо пойдут. А если плохо, так и мыть особо нечего. Фатально прогореть не боялся, потому что аренду платить не надо, это помещение я когда-то купил, получив свою часть дедовского наследства; думал, под мастерскую, а потом внезапно решил попробовать что-нибудь замутить, если уж все так удачно сложилось. А получилось – ну, сами видите что.

– Оно само, что ли, получилось? – недоверчиво переспросила Люси. – Без вашего участия?

– Не поверите, но практически без моего. Оказалось, главное – правильно выбрать, кому заказать дизайн интерьера. Напрасно смеетесь, именно так все и было. Я позвал оформлять пиццерию старого друга; он к тому времени, по общему мнению, совершенно съехал с катушек, уволился с хорошей работы и заперся в своем доме с полным погребом самогона и парой тысяч якобы гениальных, но пока не нарисованных картин. Однако ко мне он порой заходил и выглядел вполне ничего – трезвый, веселый, а что одет, как бродяга, все время на взводе и часто говорит невпопад, обычное дело, скорее даже хороший признак: похоже, и правда снова начал рисовать. Только с деньгами у него явно было не очень; по крайней мере, так мне тогда показалось со стороны. И я решил помочь, предложить работу, в которой он когда-то был супер-профи. Ну, в общем да, можно сказать, помог. Он потом признался, что давно хотел попробовать внести в какое-нибудь замкнутое пространство принципиально невозможные для этой реальности изменения и посмотреть, что из этого выйдет. И тут я со своей пиццерией: приходи, делай, что хочешь. Справедливости ради, он меня трижды, как в сказках положено, переспросил: «Точно можно делать, что захочу?» И я такой хозяйственный парень: «Лишь бы остаться в рамках бюджета». Ну, что-то, а это условие он выполнил, спасибо ему. Выгодное получилось предприятие, всех моих затрат здесь – только покупка плиты, еще до начала великой стройки. Все остальное как-то само постепенно образовалось. Я не спрашивал, что откуда взялось: поначалу было, прямо скажем, не до того, потому что вместе с помещением сам так трансформировался – мама не горюй. А потом, пообвыкшись, понял, что ответа на этот вопрос он тоже не знает. А всякую смешную ерунду, которая ничего толком не объясняет, я и сам сочинять могу.

– Принципиально невозможные изменения, – задумчиво повторила Люси, отодвигая пустую тарелку. – Да уж, внес так внес. А это тот самый ваш друг, который... – она замолчала, не в силах подобрать подходящее определение, и непроизвольно скорчила такую потешную и одновременно зверскую рожу, что Тони прыснул от смеха:

– Точно! Он.

– Я их однажды встретила – его и второго, который все время во что-нибудь превращается. Не во сне, как раньше, а наяву. Собственно, этим летом. Странная была встреча. И впечатление от нее тоже странное. Они, с одной стороны, невероятно милые, вели себя, как будто мы уже давно близкие друзья. А с другой, все равно жуткие. Не знаю почему.

– Ну так это что-то вроде порога моего кафе, переступая который хочешь не хочешь, а изменяешься, и многих с непривычки охватывает страх, – объяснил Тони. – Эти двое – тот еще порог. Даже переступать не надо, сам через себя тобой переступит. И от этого все изменится. Не на время, как для моих клиентов, а навсегда.

– Вот ведь черт, – вздохнула Люси. – Похоже на то. Я ведь столько бак для экскурсантов про городских духов-хранителей придумала, что понемногу начала ощущать себя чуть ли не

их автором, а самого главного так и не поняла, пока вы не сказали... Слушайте, а они правда – духи нашего города? Правильно так говорить?

Тони пожал плечами:

– Так это смотря кого и по каким признакам «духами» называть. Меня, например, тоже можно. И ребят из Граничной полиции. И, собственно, вас. Мне рассказывали, как вы ловко разыскиваете людей, случайно провалившихся на изнанку, а потом выводите их домой какими-то хитрыми проходными дворами прежде, чем превратятся в тени самих себя, которые исчезают с рассветом. И некоторым потом наверняка кажется, что их вытащил из ловушки, спас от неизвестной беды какой-то специальный полезный непостижимый городской дух.

Люси невольно улыбнулась.

– Наверное, да. Понятия не имею, что они обо мне думают, но смотрят примерно так, как вы описали. Как будто я им сейчас до кучи еще и тайные клады открою, или, наоборот, прокляну навек. Смешно. Но на самом деле, конечно, приятно, когда тебя считают каким-то непонятым волшебным существом. Жалко, дедушка Жюль не дожил, он бы поразился. Примерно такой карьеры он мне всем сердцем желал.

– Всем бы такого дедушку.

– Это точно, – подтвердила Люси. И, поколебавшись, призналась: – Ханна-Лора мне сказала, что дедушка Жюль был родом с Этой Стороны. Еще в детстве нечаянно сюда угодил; говорят, с тамошними детьми это довольно часто случается, проваливаются к нам, на Другую Сторону, ничего специально для этого не делая, захочешь, не убережешь. Правда, дети обычно так же легко возвращаются, сразу прибегают домой на свет Маяка, даже не успев испугаться, но с дедушкой Жюлем вышло иначе. Пошел гулять, забрел на уличное цирковое представление, подружился с какими-то бродячими акробатами, уехал с ними из города и как бывает со всеми уехавшими, о доме и настоящем себе забыл. Потом, уже взрослым, вернулся обратно, но это мало что изменило. Он иногда видел свет Маяка, но тот не казался ему привлекательным, наоборот, пугал. Порой дед кое-что вспоминал о своей прежней жизни, но был совершенно уверен, что просто воображение разыгралось, опять сказку сочинил. Иногда он видел, как посреди вечернего города проступают очертания смутно знакомых улиц, но думал, это его фантазии пытаются материализоваться. Безумная идея, будто он – демиург почему-то легко укладывалась в его голове. Придумал сказочный город, и вот он уже настолько есть, что дети иногда способны его увидеть. Дети, способные видеть, это, как вы понимаете, я. Дедушка Жюль часто водил меня на прогулки и по дороге рассказывал – ну якобы сказки. А на самом деле, как я теперь понимаю, что-то вспоминал, а что-то додумывал на ходу, чтобы склеить обрывки воспоминаний. И я правда немножко видела Эту Сторону, когда мы с ним вместе гуляли. Не так отчетливо, как настоящие улицы, скорее как сон... даже не сон, а кино, которое за неимением экрана проецируют на все вокруг.

– Ничего себе у вас биография, – присвистнул Тони. – Вот это повезло!

– Да, очень, – кивнула Люси. – Большей удачи, наверное, вообще не бывает. Ну разве что сразу родиться настоящей волшебной феей. С другой стороны, фее-то сравнивать не с чем. Она с самого начала в волшебном мире живет, для нее это просто нормально. Все-таки круче всего жить, как мы с дедом гуляли – одной ногой здесь, другой где-то еще.

– Это правда, – подтвердил Тони. И, помолчав, спросил: – А ваш дедушка Жюль здесь умер? Так и не добрался до Маяка?

– Он просто исчез, – улыбнулась Люси. – И числился пропавшим без вести столько лет, сколько по закону положено. Тела не нашли, это факт. Так что, наверное, все-таки вернулся домой умирать. Правда, Ханна-Лора ничего об этом не знает, но это как раз нормально. У них же там тела умерших сразу исчезают. Если дед пришел на свет Маяка и сразу же умер, а зрителя в тот момент на месте не оказалось, никто ничего и не видел, просто не успел. Но

это как раз совсем не беда. Главное, дедушка Жюль все-таки умер дома. Мне говорили, для них это очень важно. На Этой Стороне легко умирать.

– А когда это случилось?

– Почти двадцать три года назад. Еще до Тони Куртейна. Собственно, как раз перед тем, как он стал смотрителем Маяка. Но это правда неважно. Я и так знаю, что дед хорошо умер. Даже не плакала о нем ни разу: не о чем плакать. Всем бы так уходить, – сказала Люси и, вопреки сказанному, тут же заплакала, видимо, из чувства противоречия. Но все-таки совершенно точно не от горя, а просто от облегчения – что наконец-то нашлось с кем обо всем этом поговорить.

Тони поставил перед ней рюмку с чем-то бледно-зеленым. Вторую такую же взял себе. Сказал:

– Это совсем простая настойка – на прошлогодней зимней траве, которая всю зиму росла под снегом и оставалась живой. На вкус, прямо скажем, ничего особенно выдающегося. У меня и получше найдутся. Зато от нее здорово прибавляется сил. А сила очень нужна, особенно людям, вроде нас с вами, которые всегда одной ногой здесь, а другой – где-то там.

Люси молча кивнула и залпом выпила бледно-зеленую жидкость. На самом деле совершенно напрасно залпом. Такое надо долго, со вкусом смаковать.

– «Ничего особенно выдающегося», значит, – укоризненно сказала она. – Ну, не знаю. Я, конечно, девушка простая, курсов сомелье не заканчивала; боюсь, вылетела бы оттуда с позором за пристрастие к дешевому горячему вину с апельсиновыми корками. Но все-таки, по-моему, это шедевр.

– Шедевр, – согласился Тони. – Другого не держим. Просто другие мои наливки еще вкусней.

– Страшный вы человек.

– Да, многие так считают, – усмехнулся он. – Включая шефа городской Граничной полиции и ту самую парочку, нагнавшую на вас жуть. И это правда: у меня все настолько убийственно вкусно, что даже капризные высшие духи с дальних окраин Вселенной вынуждены принимать оскорбительную для них человеческую форму, чтобы иногда поужинать у меня. А побывавшие здесь во сне, стараются любой ценой прийти наяву, и правильно делают: при всем моем уважении к сновидениям, вкус у них совершенно не тот. Это была минута рекламы, спасибо за внимание. Должен же я нового клиента в вашем лице завлекать. Еще по рюмке? Хотите попробовать наливку из несбывшихся желтых слив?

– Давайте. Главное, кроме нее больше ничего не предлагайте. Потому что отказаться никакой силы воли не хватит. И тогда меня разорвет. Еда-то у вас, похоже, самая настоящая. Я поначалу думала, наваждение, но от наваждений не бывает так тяжело в животе.

– Я за некоторыми компонентами этого наваждения в супермаркет ходил, – заметил Тони. – И на рынок – вчера, перед самым закрытием. Раньше просто не успеваю, почти до обеда обычно сплю. Правда когда я пересекаю порог с покупками, свойства их материи довольно сильно меняются. Как, впрочем, и свойства материи посетителей. Но на выходе все дружно возвращаются к первоначальной форме – и клиент, и съеденный им обед, так что все честно. Нормальная человеческая еда, без обмана. Не растает, как дым.

– Это как раз довольно обидно – что не растает. И нельзя будет сразу начать все сначала. А то я бы с удовольствием начала.

– Ничего, – утешил ее Тони. – Все у вас еще впереди. Если уж мою еду попробовали, вам теперь легче легкого будет сюда наяву прийти.

Эва

Автобус остановился у светофора. И Эва остановилась. Она шла в ту же сторону, для нее тоже горел красный свет.

Стоять рядом с этим автобусом оказалось невыносимо. Отойти на несколько шагов в сторону не помогло; это никогда и не помогало. Слишком незначительное расстояние. Ничего, – говорила себе Эва, – ничего. Сейчас загорится зеленый, и он уедет. Сразу меня обгонит, на следующем перекрестке вообще свернет, только его и видели, и все закончится, быстро, минуты не пройдет. А этот... эта, который, которая там, икс, неизвестная, неизвестный, все равно скоро умрет, вне зависимости от того, буду я о нем думать, мысленно обливаясь неизвестно чьей кровью, содрогаясь от сострадания, или сразу забуду. Это ничего не изменит. Я ничего не изменю. Я не могу бегать наперегонки с городским транспортом, а если прямо сейчас начну стучать в переднюю дверь, водитель ее не откроет, и его можно понять, сама бы на его месте ни за что не открыла. А даже если откроет, что дальше? Вот интересно, как ты себе представляешь свои дальнейшие действия? Ворваться в салон: «Соблюдайте спокойствие, уважаемые, оставайтесь на местах, ничего страшного не случилось, просто один из вас очень скоро умрет, я сейчас вычислю, кто именно, и буду следовать за ним неотступно, как укусившая игуана, сколько понадобится, чтобы в нужный момент оказаться рядом и – нет, не съесть, а хорошо проводить». Нормальное вообще заявление. Да я бы сама сразу же позвонила в полицию: в автобус, следующий по такому-то маршруту, только что ворвался опасный псих.

Опасный псих – мое второе имя, – с невольной горькой усмешкой подумала Эва. – Допрыгалась девка. Ай хороша.

Тем временем наконец-то загорелся зеленый, автобус тронулся, но Эва осталась на месте. Ну его к черту, пусть отъедет подальше, я – потом. Светофор уже замигал, а она все стояла, не в силах заставить себя сделать хоть шаг.

– Наконец-то вы мне попались! – торжествующе произнес у нее за спиной голос, такой знакомый, что Эва даже оборачиваться не стала, и так понятно, кто это заявился по ее душу. И от этого понимания сердце забилося вдвое быстрее, как будто всю дорогу бежала, а не нога за ногу шла.

– Ну и где вас черти носили? – спросила она, нарочито сердито и грубо, просто чтобы не разрыдаться на радостях, а если все-таки разрыдаться, то не в первую же секунду, а выдержав паузу. Чтобы, как говорится, характер показать.

– Трудно вот так сразу вспомнить точные адреса. Черти – великие мастера разнообразить мои маршруты. Но если для вас это важно, я постараюсь составить хотя бы приблизительный список, – безмятежно ответствовала Эвина любимая галлюцинация, которая почему-то еще в конце лета внезапно перестала ее донимать. Хотя именно от этого симптома надвигающегося безумия Эва, будь ее воля, отказалась бы в последнюю очередь. Да и то не факт.

Точнее, он безмятежно отвечал. Это же только слово «галлюцинация» женского рода, а само по себе явление неизвестной природы – явно мальчик. То есть, если называть вещи своими именами, здоровенный мужик в шикарном пальто нараспашку и почему-то пижамных штанах с розовыми медвежатами. У Эвы все слова из головы вылетели при виде этих медвежат. Поэтому пришлось ограничиться нечленораздельными звуками, пока счастливый владелец шикарных штанов куда-то ее волок, ухватив под локоть, то ли в рай, то ли все-таки в пекло, то ли просто в ближайшую кофейню. Да, точно, туда. Не самый плохой вариант.

Впрочем, картонный стаканчик с кофе оказался в Эвиных руках прежде, чем они переступили порог.

– С причинно-следственными связями у меня с детства не ладится, – улыбнулся ее спутник, усаживая Эву на подоконник кофейни. У него в руке был точно такой же оранжевый картонный стакан с крышечкой. – Ладно, зато сэкономили примерно четыре евро на двоих. Оцените, какой я хозяйственный и прижимистый податель благ. Если бы меня не было, меня бы следовало выдумать. На худой конец, хотя бы увидеть в бредовом сне. Но наяву все-таки гораздо лучше. И вы только что это сделали. Следовательно, вы – молодец.

– Что у вас с брюками? – наконец спросила Эва, натурально загипнотизированная розовыми медвежатами. Ни о чем больше думать она пока не могла.

– А что у меня с брюками? – удивился он. Опустил глаза, внимательно оглядел свои ноги, растерянно ухмыльнулся: – Идея хорошая, но не моя, как-то само получилось. Видимо, специально, чтобы вас порадовать. Хотели деликатно намекнуть, что такое сейчас не носят? Ай, ладно, значит, когда-нибудь потом будут носить. Я – великий трендсеттер. Что на себя ни напялю, рано или поздно непременно становится массовой модой. Ну, правда, кое-что – только спустя века. До некоторых моих находок человечеству, к сожалению, еще расти и расти. Но ничего, будут носить как миленькие никуда не денутся, факт.

Уселся на подоконник рядом с Эвой, попробовал свой кофе, недовольно поморщился:

– Вот если бы я добрался до стойки, как приличным людям положено, заказал бы нам Гватемалу, она тут хороша. А так черт знает что в этом стакане материализовалось. Не знаю, что вам досталось, а мне – с молоком и каким-то приторным сиропом. Незабываемый вкус форменного издевательства над благородным напитком; ладно, буду учиться смирению, чем черт не шутит, вдруг именно с этой попытки и научусь? Страшная все-таки штука эта наша черная магия для начинающих демонов ада – чудеса постоянно сами с тобой бесконтрольно случаются, и жри, что дают.

– Это потому что вы двоечник, – объяснила Эва. – Типичный. Все мои знакомые двоечники выглядели примерно так.

– Везет же вам на хорошую компанию! – усмехнулась ее галлюцинация. – У меня и то такой, как я – только я сам.

– Да так себе у меня в последнее компания, – призналась Эва. – Вас здорово не хватало, честно говоря.

– Извините, – серьезно сказал он; для обладателя штанов с медвежатами, пожалуй, даже слишком серьезно. Перебор. – Сам не хотел так надолго исчезать. Но у меня, понимаете, совсем беда с чувством времени. Только когда стало как-то подозрительно холодно, догадался спросить, что случилось. Тут-то и выяснилось, что уже давным-давно наступил ноябрь. Со стороны это выглядит, как форменное свинство; строго говоря, это и есть именно свинство – так надолго исчезать.

– Ну, вы и не обязаны... – начала было Эва, но он ее перебил:

– Да кто говорит, что обязан! Просто мне самому хотелось. Это была моя, а не чья-то еще идея – с вами дружить. Но у меня сейчас все в жизни, как эти штаны!

Закинул ногу на ногу, щелкнул по лбу медвежонка, который оказался на колене. Объяснил:

– Я же и правда двоечник. Не все получается контролировать. Положа руку на сердце, крайне мало что. По идее, уже пора бы, а на практике пока – так. Вот и сейчас оказался в нужное время в нужном месте, в достаточно человеческом состоянии, чтобы вы меня увидели и услышали, отлично все получилось, но на одежду моего внимания уже не хватило, так что она выбрала себя сама. И этот кофе тоже выбрал нас сам. Я-то планировал в кои-то веки честно его купить, благо пальто на мне сейчас крайне удачное, в его карманах всегда куча мелочи, оно молодец. Но вышло сами видели, как. И вот так постоянно: на одно событие, происходящее по моей воле, приходится добрый десяток самостоятельно решивших случиться со мной, или где-нибудь рядом. Ясно, что я не столько жалею, сколько хвастаюсь. И одновременно оправды-

ваюсь. От слова «правда», которую я говорю. А с временем у меня совсем смешно получается. Я же его по старой привычке отмеряю, как все нормальные люди: уснул, проснулся, значит, начался новый день. А теперь то сплю неделю подряд, чтобы успеть присниться всем, кому задолжал, то прячусь от этой тяжелой работы наяву, обходя все кровати десятой дорогой, то рассеюсь туманом на полчаса, а потом выясняю, что три дня пролетело, и ни одна зараза не рискнула меня потревожить, потому что я, видите ли, так трогательно клубился... Короче, моя жизнь прекрасна, но технически она непроста.

Тараторил, жестикулировал, размахивая стаканом, улыбался, демонстрируя неуместные девичьи ямочки на щеках, и вдруг ни с того ни с сего зыркнул на Эву исподлобья, как следователь на подозреваемую:

– А вот почему вы за все это время, которому я счет потерял, ни разу не заглянули в Тонину бадегу, это вопрос. Я правда не понимаю. Вам же у нас понравилось. Только не говорите, будто хотели зайти, искали и не нашли. Вы – нашли бы. На самом деле вам вообще не пришлось бы искать, вошли бы во двор и сразу увидели в его дальнем конце специально для вас приоткрытую дверь. Но вы даже мимо не проходили ни разу, а то я бы знал.

– Ну так моя жизнь тоже не шибко проста, особенно, как вы говорите, «технически», – мрачно хмыкнула Эва. И с изумившей ее саму откровенностью добавила: – Трындец какой-то со мной творится. Куда мне сейчас к вам в компанию набиваться. За чудесами в таком паршивом состоянии ходить нельзя.

– За чудесами, вы правы, нельзя. Зато к друзьям можно в любом настроении. А в паршивом не просто можно, а нужно. Например, за помощью и утешением. На то и друзья.

– Друзьям хочется нравиться, – честно сказала Эва. – Даже примеревшимся друзьям. Унылое не пойми что, которому нужны помощь и утешение, я и людям-то стараюсь не особо показывать. А уж вам...

– Гордыня сатанинус вульгарис, вот как это называется. Понимаю. У самого примерно такая же. Когда мне делается хреново, тоже от всех скрываюсь, как захворавший кот; к счастью, вполне безуспешно, игра в прятки – не мой конек, а то меня, пожалуй, уже давным-давно на свете бы не было. Не со всем, к сожалению, можно справиться одному.

Эва посмотрела на него с недоверчивым интересом. Какое-то чересчур человеческое признание для существа, которое то и дело появляется ниоткуда, исчезает, куда ему вздумается, а в промежутке между этими мистическими событиями черт знает что творит.

Он развел руками:

– Извините, что не вполне дотягиваю до сияющей пыли, которую сам перед этим старательно пускал вам в глаза. На самом деле в анамнезе я примерно такой же, как вы: человек с причудами. Просто причуд у меня побольше вашего. И гораздо разнообразней. Раньше начал чудить. Ничего, наверстаю, какие ваши годы. Все только начинается. В любой момент – только начинается. Всегда!

– Спасибо, – растерянно сказала Эва. – Звучит, конечно, воодушевляюще. Но на практике, к сожалению, в любой момент может начаться что-то явно не то. Ну или то, просто я к нему не готова. А оно все равно начинается. И продолжается. И идет, и идет...

– Что именно?

Эва смяла полупустой картонный стаканчик. Сказала:

– Вы были совершенно правы, это издевательство, а не кофе. Пойду нормальный куплю. На вас брать? Или это все равно, что вылить? Мне не жалко, просто я же до сих пор не понимаю, какова ваша природа. Насколько вы мне мерещитесь, а насколько объективно есть? И хватает ли вашей материальности на то, чтобы пить напитки, которые не сами собой появились в ваших руках и карманах, а приготовлены нормальными людьми...

– На такое доброе дело у меня материальности точно хватит, в любой момент, – перебил он. – Уж что умею, то умею – выпить и пожрать!

– И никуда не исчезнете, пока я хожу? – строго спросила Эва.

Он не стал отвечать, только нетерпеливо передернул плечами, как будто в жизни не слышал более абсурдных предположений. А вслух сказал:

– Гватемалу берите. Она здесь обжарена потрясающе; остальные сорта заметно хуже. И даже не надейтесь, что пока вы ходите, я сам рассосусь, как хорошо воспитанная проблема, и вам никогда не придется отвечать на мой вопрос.

У стойки была очередь, небольшая, всего два человека, но этой короткой паузы Эве как раз хватило, чтобы прийти в себя; она собственно потому и пошла покупать кофе, что рядом с этим красавцем хрен знает во что вместо себя придешь.

Интересно, – подумала она, – а остальные люди его видят? Или все-таки только я? И тут же получила ответ на свой вопрос: ее наваждению явно наскучило просто так сидеть на подоконнике, поэтому он развернулся, уткнулся лицом в стекло, смешно расплющив щеки, губы и нос к полному восторгу двух сидящих у окна старшеклассниц. Одна пока просто хихикала, а другая уже сама прижималась носом к стеклу и корчила рожи в ответ.

Значит, девчонки его тоже видят, – подумала Эва. Но вместо радости ощутила что-то вроде ревности, как в детстве, когда вдруг выясняется, что Дед Мороз приходит не только к одной тебе.

– Если вы и галлюцинация, то массовая, – объявила Эва, отдавая картонный стакан. – Явно не только моя.

– Ну а чего мелочиться, – ухмыльнулся он. – Мерещиться – так уж куче народу сразу. Чтобы два раза не вставать... На самом деле я нарочно корчил рожи девчонкам. Специально для вас. Чтобы вы заметили, что они меня видят и откликаются. Я же все это время думал, вы просто шутите про галлюцинацию. С самым таким бывает: вцеплюсь в какую-нибудь не особо удачную шутку и повторяю ее по всякому поводу, сам не знаю, зачем. И только сейчас до меня дошло, что для вас это не то чтобы именно шутка. Хотя вещественных доказательств своего объективного бытия я вам оставил – мама не горюй.

– Мы слишком долго не виделись, – почти беззвучно сказала Эва. – На расстоянии все начинает выглядеть совершенно иначе, включая вещественные доказательства. Не так уж их много, кстати. Запачанная кровью футболка, которую не берут никакие отбеливатели, картина на стене, машинка для сигарет, которую я сама могла купить в любой лавке, да два телефонных номера – ваш и той удивительной женщины. Но я ни разу не решилась по ним позвонить.

– Но почему? Со мной – ладно, допустим, все сложно, телефон у меня появляется, когда сам захочет, и даже образовавшись в кармане, почти никогда не звонит. Но с Карой довольно легко связаться, она сейчас почти постоянно здесь и была бы вам рада...

– Да потому что мне страшно! – в сердцах воскликнула Эва. – Потому что не представляю, как буду жить, если все-таки позвоню и выясню, что просто ошиблась номером. Или зайду в тот двор, где было кафе вашего друга, а там – ничего подобного нет. У меня и так-то с верой примерно как у вас с игрой в прятки. Не самая сильная моя сторона. Простая версия, объясняющая вообще все: «Доигралась в самозваного ангела смерти, чокнулась окончательно, добро пожаловать в дивный мир потусторонних видений и голосов», – всегда наготове. Даже сейчас говорю с вами и по-прежнему сомневаюсь: а как это выглядит со стороны? Сколько человек сидит на подоконнике с точки зрения постороннего? Двое или все-таки я одна? Мало ли что какие-то девчонки вас видели. Они мне, собственно, тоже примерещиться могли.

– Да, – сочувственно кивнул он, – вы слишком умная, чтобы вот так сразу принять меня и все остальное на веру. Это большая проблема. С другой стороны, с дураками ничего интересного обычно и не случается. Кому нужны дураки? Уж точно не мне. Того, которого время от времени вижу в зеркале, для счастья вполне достаточно... Ладно, давайте, выкладывайте,

что у вас началось и продолжается – такое ужасное, что вы на себя не похожи? Я ему в глаз дам. Возможно, вы до сих пор не заметили, но я – супергерой.

Эва невольно улыбнулась. Будет и на нашей улице Бэтмен, – так они шутили когда-то с младшей сестрой. Одна из самых удивительных вещей на свете – причудливое разнообразие форм, в которых к нам возвращаются наши глупые шутки. И сбываются детские мечты.

– Некому давать в глаз, – наконец сказала она. – Разве что мне самой. И будет у меня еще одно вещественное доказательство вашего бытия, отличный лиловый синяк. Но лучше все-таки не надо. Во-первых, я дам сдачи. Я в школе всегда с мальчишками дралась...

– Да кто бы сомневался.

– ...а во-вторых, у меня встреча с важным клиентом, – мрачно закончила Эва. И посмотрев на телефон, добавила: – Меньше, чем через час. Это означает, что если я хочу вам пожаловаться, надо начинать прямо сейчас. Тянуть больше некуда, скоро надо будет уходить. Ладно. Может, так даже лучше – не канючить полдня, пока вам тошно не станет, а быстренько, деловито, практически на бегу рассказать.

Снова умолкла, не понимая, как вообще о таком можно словами. И что это должны быть за слова. Супергерой протянул ей сигарету. Сказал назидательным докторским тоном:

– Табачный дым – традиционное приношение высшим духам, которые, будем честны, и сами неплохо с этим делом справляются, но от халавы отказываться – ищи дураков. К тому же, никотин способствует умственной концентрации. Два в одном.

– Вот это круто, – откликнулась Эва. – Свой табак вместе с вашей машинкой я сегодня оставила дома, в другой сумке, поленилась за ним возвращаться, а зря... Ладно, смотрите, что происходит. Раньше я чувствовала, если рядом кто-то умирает; ну, вы сами все это про меня знаете, можно не объяснять. К этому я уже привыкла, странно было бы не привыкнуть за столько-то лет. На самом деле умирающих вокруг довольно мало, если специально не ходить по больницам и хосписам. А я никогда не ходила. Трезво оценивала свои возможности. Знала, что встретиться со смертью несколько раз в год и хорошо проводить умирающего мне вполне по силам. Но не чаще. Мне нужно время, чтобы восстановить – даже не столько силы, скорее просто голову на место поставить. Это все-таки довольно серьезная встряска, когда действуйешь, как – то ли конченный псих, то ли... не совсем человек.

– Да, понимаю.

– А в последнее время – собственно, с лета – какие-то настройки у меня внутри поменялись. В общем, я стала чувствовать не только уже происходящую, но и будущую, скорую смерть. Рациональная версия – начала слишком много фантазировать на эту тему, но какая разница, когда кроме собственных ощущений у меня все равно ничего нет. Насчет сроков точно не знаю, только один раз получилось проверить, с соседом по подъезду – прошел мимо по лестнице, меня шарахнуло его смертной тенью и будущим страшным запахом, а он умер на следующий день. Ночью скорая приезжала, его забрали в больницу, но не спасли; лучше бы дома оставили, я могла бы попробовать постоять под дверью, на таком расстоянии может сумела бы нормально его проводить... Ладно неважно, как получилось, так получилось, меня никто не спросил. С тех пор я предполагаю, что начинаю чувствовать чужую смерть примерно за сутки, но это только гипотеза. Может, за несколько дней. Невозможно проверить, когда все это незнакомые люди, которые просто ходят по улицам или проезжают мимо в каком-нибудь транспорте, вот как сегодня кто-то в автобусе... На самом деле какая разница, за сколько именно дней. Все равно я ничего не могу сделать. Невозможно ходить по пятам за незнакомым человеком, пока он не начнет умирать. Хотя по-хорошему надо бы. Невыносимо вести подсчет обреченных, которым я не помогла. Вместе с сегодняшним неизвестным в автобусе набирается тридцать восемь человек. Но я же не наваждение вроде вас. Не могу по собственному желанию возникнуть, где следует, в самый подходящий момент. Мои возможности ограничены моим же человеческим

телом и негласным общественным договором, всей совокупностью правил адекватного поведения среди людей. Все это делает мою жизнь трудной и не особо веселой. Мягко говоря.

– Тридцать восемь человек за примерно три месяца?

– Согласна, не особенно много. К счастью, обреченные на скорую смерть толпами по городу не бегают. Но мне вполне хватило этих тридцати восьми.

– Наоборот, даже слишком много, как по мне. Вы круты, очень стойко держитесь. Я бы, наверное, чокнулся сразу, после первой же такой встречи, не дожидаясь остальных тридцати семи. Это же, наверное, невыносимое ощущение – близость чужой скорой смерти?

– Да вполне выносимое, – вздохнула Эва. – Хотя и с трудом. Живому человеку близость смерти дается нелегко, это правда. Мы не особо приспособлены такое вот ощущать. Хуже всего этот несуществующий, пришедший из будущего запах смерти, он почему-то гораздо страшней настоящего, от него особенно трудно избавиться, мерещится мне потом еще несколько дней. Но честно говоря, совсем не в этом беда. Гораздо труднее бездействовать. Оставаться на месте, провожая их взглядом, и все.

– Но так и раньше было, – мягко сказал ее безымянный друг. – Мимо вас, как и мимо меня постоянно ходят те, кто умрет – нынче вечером, завтра, послезавтра, через год, через сорок лет, и так далее. Бесконечный парад обреченных, других здесь не водится. Просто мы не знаем, кто и когда.

– Теоретически я с вами согласна, – вздохнула Эва. – Но на практике все равно чувствую то, что чувствую: беспомощность и бессилие. И горе. И одновременно тревогу, что я совсем чокнулась, плохи мои дела. Но эта тревога, знаете, больше похожа на надежду. Лучше уж быть тихой безвредной сумасшедшей, чем самозванным ангелом смерти, который не выполняет свой долг.

– Вы не самозванный. И если на то пошло, не ангел, а человек. Вы круче любого ангела, потому что вам гораздо трудней. Уговаривать вас не мучиться, потому что нет никакого долга, не буду, чего зря тратить время на болтовню. Вы и сами это прекрасно понимаете, но все равно чувствуете то, что чувствуете, и слова ничего не изменят. Я сам примерно такой же дурак в подобных вопросах, если уж что-то вбил себе в голову, никто не сможет переубедить... Ладно. Вы докурили? Отлично. Пошли.

– Куда? – удивилась Эва.

– Ну как куда. У вас же встреча с клиентом. Я вас провожу. Всю дорогу буду компрометировать своими штанами, чтобы отвлечь от всех остальных проблем. Но на переговоры, не бойтесь, не сунусь, ваша карьера – святое, должно же хоть что-то всерьез осложнять вам жизнь, отвлекая от всех этих неизъяснимых бездн. Подожду у входа, как верный оруженосец. А потом пойдем к Тони. Я вас туда конвоирую, если понадобится, силой, за ухо. Чтобы больше не вздумали нами пренебрегать. По моим сведениям, Тони сегодня сварил целых два супа, грибной и рыбный. Но это вовсе не означает, что мы обязаны выбирать какой-то один. Оба слопаем. В такую собачью погоду – самое то.

– Не надо силой за ухо, – сказала Эва. – Я сама, добровольно пойду. Съем все, сколько дадут, а потом вероломно сопру у вашего друга ложку. Если не исчезнет на выходе, будет у меня талисман.

Луч сигнального желтого цвета /#f9a800/

Стефан

Начальник Граничного отдела полиции города Вильнюса сидит в сентябре, то есть во дворе своего дома. Здесь, по его прихоти, всегда сентябрь, причем не какой попало, а двадцать первое сентября две тысячи шестого года, хороший был день, теплый, сухой и пасмурный, Стефану он очень понравился, поэтому квартиру он снял не столько в пространстве, сколько во времени, так и живет в том дне, и гостей иногда принимает – тех немногих, кого можно сюда привести.

На самом деле почти никого нельзя. Но Ханну-Лору все-таки можно. Не потому, что она коллега, важная шишка, – дразнится Стефан, – начальница Граничной полиции Этой Стороны. И не потому, что давным-давно, еще в смутную эпоху Исчезающих Империй, хаотически смешавших одна другую, почти не оставляя свидетельств и даже памяти о себе, была верховной жрицей какого-то тайного культа, достаточно жуткого, чтобы приносить практическую пользу. И не потому, что Стефан когда-то собственноручно ее воскресил; случайно встретил в том тайном пространстве, куда живые шаманы иногда приходят работать, а мертвые – отдыхать, и сразу понял: не наигралась с жизнью девчонка, только во вкус вошла, какая может быть смерть. Даже не потому, что нынешняя Ханна-Лора – красотка, каких свет не видел, с темно-золотыми кудрями и глазами цвета гречишного меда, хотя, как ни странно, иногда это имеет решающее значение, бывает такая победительная красота, при виде которой теряются даже законы природы и от растерянности начинают игнорировать сами себя.

Однако в случае с Ханной-Лорой важно не это. А то, что она целиком доверяет Стефану, больше, чем самой себе. Только таких доверчивых гостей и можно приводить туда, где все держится на твоём честном слове; собственно, кроме честного слова Стефана здесь вообще ничего нет.

– Всегда почему-то была уверена, ты живешь в настоящем дворце, – смеется Ханна-Лора, во все глаза разглядывая обсаженный мальвами двухэтажный дом из светлого кирпича, крошечный огород, где доцветают подсолнухи, ветхие садовые кресла, колченогий журнальный стол, на котором стоит бутылка с напитком, до сих пор не решившим, кто он – местный сухой яблочный сидр, барселонская розовая кава или солидное, уважаемое шампанское Арманд де Бриньяк с пиковым тузом на стеклянном пузе. Как только окончательно определится, можно будет наливать, а пока лучше его не трогать, чтобы каким-нибудь бессмысленным лимонадом с перепугу не стал.

– Ну а чем не дворец, – соглашается Стефан и кивает на изгородь, оплетенную диким виноградом, листья которого уже начали пламенеть. – Все сокровища этого мира мои, как видишь. И никакого лишнего барахла.

– Да, сокровища у тебя дай бог каждому, – улыбается Ханна-Лора и поправляет сползшие на кончик носа смешные круглые очки, которые призваны не столько улучшить ее зрение, сколько спасти мир от Ханны-Лориной ослепительной красоты; не то чтобы действительно помогает, но для очистки совести – в самый раз.

Стефан наконец берет в руки бутылку, говорит:

– На этот раз по-сиротски, без шампанского, бедные мы. Но эту каву я уже как-то пробовал, она тоже вполне ничего.

– Что отмечаем? – спрашивает Ханна-Лора, всем своим видом демонстрируя готовность отпраздновать все, что скажут – хоть Всемирный день философии⁴, хоть очередную годовщину Куликовской битвы⁵, да хоть Новый год по какому-нибудь наскоро вымышленному календарю.

– Апокалипсис, – отвечает ей Стефан. – Что еще нам с тобой отмечать.

И разливает по неведомо откуда взявшимся бокалам шипящее розовое вино.

– Шутки у тебя, – укоризненно говорит Ханна-Лора.

– Да это даже не то чтобы шутка, – пожимает плечами Стефан. – Скорей эвфемизм. Самый подходящий синоним того неприличного слова, которое крутится у меня в голове, когда я пытаюсь спокойно и взвешенно, без лишних эмоций охарактеризовать сложившуюся в городе обстановку.

– Тебе не нравится?.. – хмурится Ханна-Лора.

– Нравится, не нравится, вообще не разговор. На мой вкус нельзя полагаться. Мне, к примеру, карликовые имурийские геенны нравятся, которые с золотыми чешуйками и доверчивыми глазами цвета майского неба; если их приласкать, на радостях писаются неугасимым жидким огнем. Такие кукусики. Но я же их дома не завожу.

– Ты тут кое-что похуже завел, – фыркает Ханна-Лора.

– То-то и оно, – ухмыляется Стефан. – То-то и оно, дорогая. Черт знает что у меня тут в последнее время позаводилось. И я этим разнообразием видов не то чтобы восхищен.

– Я вообще-то имела в виду...

– Догадываюсь. Прекрасный отзыв независимого эксперта о наших духах-хранителях, встречу их, непременно перескажу, мальчики будут счастливы: переплюнуть саму имурийскую карликовую геенну – ничего себе достижение, высокая честь. Но я вообще-то собирался жаловаться на пожирателей радости, ложных шушуйских ангелов, лучезарных демонов, синезубых болотных бродяг из Кедани и все остальные щедрые дары изобретательной Вселенной, приходящие к нам из открытых Путей. А то своей хренотени здесь было мало... На самом деле спасибо тебе за подкрепление, дорогая. За Кару и ее ребят, которые не только хорошо знают, что делать с непрошенными гостями, но и явно получают удовольствие от всей этой бестолковой суеты. За нее, собственно, и выпьем. За Кару, конечно, не за суету.

– Я рада, что вы так славно сработались, – улыбается Ханна-Лора. – На самом деле почти кто угодно из наших мог прийти тебе на подмогу: что для вас экзотические чудища, то у нас бегают чуть ли не в каждом предутреннем сне, а кое-что и наяву в погребках заводится. Так что даже детишки умеют шугать эту мелкую хищную пакость, не обязательно мастеров на помощь звать. Но Кара очень хотела остаться здесь работать после того, как мы убрали Мосты, и ее отдел стал не очень-то нужен. Она, сам знаешь, помешана на этой вашей Другой Стороне.

– Знаю. И понимаю ее, как никто. Я и сам, как видишь, тут слегка помешался. А то бы фиг здесь так долго и упорно сидел. За ухо меня сюда, если что, не тащили. Сам пришел и остался – по любви. В жизни всякого разумного существа обязательно должна быть роковая любовь, я считаю. Одной достаточно, больше не надо. Но уж эта единственная должна быть – ух! Такая, когда глядишь на изъяны и умираешь от нежности, заключаешь в объятия и получаешь в лоб, приходишь с дарами и гадаешь, как бы их так ловко подсунуть, чтобы не отказались наотрез. И каждый день приходится очаровывать заново, былые заслуги не в счет.

– Но зачем нужна такая любовь?

– Ну как – зачем? Чтобы жизнь сахаром не казалась. Чтобы не было слишком легко! – хохочет Стефан. Но глаза его при этом остаются серьезными.

Вечно с ним так, – думает Ханна-Лора. Но вслух укоризненно говорит:

⁴ Всемирный день философии (World Philosophy Day) был провозглашен на 33-й сессии Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 2005 году и отмечается ежегодно в третий четверг ноября.

⁵ День победы русских полков в Куликовской битве отмечают в России 21-го сентября.

– Хорош «апокалипсис». Лучезарные демоны и пожиратели радости! Не верю. Для тебя это – пара пустяков.

– В том и беда, что не пара, а какие-то страшные толпы пустяков. Слишком много для одного сравнительно небольшого города, населенного совершенно беззащитными перед этими пустяками людьми. Наводить здесь сейчас порядок – все равно, что дорогу в снегопад разгребать, пока впереди расчистишь, сзади снова сугроб насыпало; а о том, что творится по сторонам, лучше вообще не думать, если хочешь остаться в здравом уме. Ладно, что толку ныть. Я заранее знал, на что подписываюсь. Так всегда получается, если сразу открыть слишком много новых Путей. Но ради тебя, дорогая, я готов на любые безумства.

– Ты и без меня распрекрасно на них готов, – смеется Ханна-Лора. – Спасибо, конечно. Здорово получилось. Как же я поначалу боялась уводить отсюда наши Мосты! Но твой план сработал, здешние люди держат нашу реальность не хуже; положи руку на сердце, пожалуй, даже крепче, чем это делали мы. Еще никогда земля под ногами не казалась мне настолько надежной. А у меня на такие вещи, ты знаешь, еще со старых времен неплохое чутье.

– И учти, это только начало. Не так уж много народу сейчас в игре. Будет гораздо больше. Каждый день хоть кто-нибудь да выходит из своего двора на незнакомую площадь, освещенную факелами; садится в трамвай прежде, чем вспомнит, что в городе их отродясь не было; распахивает окно навстречу шуму прибоя Зыбкого моря и его соленому ветру. Или просто останавливается, забыв, куда шел, потому что заметил в проходе между домами какой-нибудь ваш переулок Веселых Огней или улицу Лисьих Лап, принял их за сияющие небеса, вечную родину своего сердца, никому не расскажет, никогда не поймет, что случилось, но уже не сможет разлюбить. Что мы здесь отлично умеем, так это тосковать по чему-то неведомому, любить его больше жизни и одной своей невшибенной дурью, которую деликатно именуем «созидательной волей», это неведомое овеществлять...

– «Мы»?!

– Ну, к такой-то заслуге грех было бы не примазаться, – улыбается Стефан. – С другой стороны, я же когда-то родился именно человеком, а ты думала кем? И еще не до конца разучился им быть. В частности, совершать классические человеческие ошибки. Вот и опасность открытых Путей я здорово недооценил, а ведь каким рассудительным и осторожным себе казался, аж тошно делалось. Но, выходит, это я себе льстил.

– Да ладно тебе, – говорит Ханна-Лора. – Не изводись из-за ерунды.

– Лучезарные демоны и их приятели, ты права, действительно ерунда, особенно пока не забредают дальше окраин пустых, необязательных сновидений, о которых наутро никто не вспомнит. Переживем. Но есть кое-что похуже.

– Например?

– Например, что прекрасные наши Пути, открытые, как драгоценный и щедрый дар, иногда уводят в такие места, о существовании которых я, скажу тебе честно, предпочел бы никогда не узнать.

– Матерь божья. Такое бывает? Что ты имеешь в виду?

Стефан морщится, как от зубной боли. Говорит неохотно:

– Меньше знаешь, радость моя, крепче спишь.

– И гораздо хуже работаешь.

– Только не в этом случае. Для тебя – всех вас, рожденных на зыбкой изнанке – некоторых вещей просто нет, как нет нашей трудной физической смерти, тоскливого страха тела, предчувствующего ее, желания мучить других, чтобы на краткий миг упоения властью ощутить себя чуть менее смертным... ай, ладно, а то ты сама не знаешь, каких изысканных наслаждений лишена.

Ханна-Лора укоризненно качает головой.

– Рекламный агент из тебя, прямо скажем, не очень. Я бы этот тур не взяла.

– То-то и оно. А недавно милосердный господь, или кто там сейчас у нас на хозяйстве, решил от своих щедрот послать нам еще и хащей, чтобы не заскучали. Слышала о таких?

– Вроде нет. А что это?

– Почитай последний Карин отчет, отлично развлечешься; главное – не перед сном. А мне о них лучше болтать поменьше, чтобы не сбежались на запах моего внимания, как цыплята на просо. Исключительно неприятная дрянь. И настолько чуждая всему хотя бы условно живому, что я с ними не справился. Даже не понял, с чего начинать. Может, со временем сообразил бы – да куда бы, собственно, делся. Но не пришлось. Кара позвала приятеля, и – вуаля! Город свободен от этой пакости, а у меня снова достаточно свободного времени, чтобы пить с тобой каву в саду и гадать, какие еще невзгоды, в смысле интересные приключения нам всем предстоят.

– Говоришь, Кара приятеля позвала? – с интересом переспрашивает Ханна-Лора. – А что за приятель?

– Фигурирует в ее отчетах как «агент Гест». У Кары бывают совершенно удивительные знакомства. Ее обаяние действует даже на тех, скажем так, потенциально дружественных волонтеров, которые не хотят иметь дела со мной.

– А что, есть и такие? – удивляется Ханна-Лора. – Нет, правда, есть?

– Спасибо, дорогая. Шикарный комплимент. Но ты вообще учитывай, что, с точки зрения большинства высших духов, шаман, способный до них достучаться – разбойник с большой дороги. В лучшем случае, просто хулиган, но скорее все же бандит, который может в любой момент попытаться напасть, отобрать кошелек и карету, или какое там имущество бывает у них. У меня же на лбу не написано, что со мной легко договариваться. И еще легче дружить.

– По-моему, очень даже написано.

– На никому, кроме нас с тобой, не известном мертвом варварском языке.

Стефан разливает по бокалам остатки розового шипучего вина. Говорит, подмигнув Ханне-Лоре:

– И все-таки я настаиваю: за полный пи... апокалипсис. За эти наши смешные стремные времена.

Квитни

В первый день за работу не приниматься – такой у него был с собой договор, чрезвычайно приятный и одновременно суровый. Не «можно бездельничать, если захочется», а «сегодня, хоть застрелись, работать запрещено».

Просто Квитни хорошо себя знал. По натуре он с детства был вредный, то есть упрямый и своевольный, всегда хотел поступать назло – не только всем вокруг, но и самому себе, вернее, своей рациональной, практической составляющей, вечно прикидывающей, как бы наилучшим образом обстряпать дела. Поэтому стоило строго-настрого запретить себе работать, как работа становилась натурально вожделенной мечтой. Руки чесались включить компьютер, расчехлить камеру или хотя бы открыть блокнот и начать строчить от руки; половины дня обычно оказывалось достаточно, чтобы накрутить себя до почти истерического желания поработать и начать с собой торговаться: ну хотя бы после полуночи можно примерный план набросать? Это уже следующий день!

Смешно, конечно, исполнять все эти невидимые миру ритуальные танцы с самим собой, но лучше все-таки знать, как ты устроен, где у тебя какие кнопки, и в какой последовательности их следует нажимать, чем без особого толку с собой сражаться, это Квитни твердо усвоил – методом проб и ошибок. И еще ошибок, и еще, и еще.

Однако гулять по городу он себе, конечно, не запрещал. И глазеть на объекты, если очень захочется, можно. Главное – не фотографировать и ничего не пытаться записывать. Даже информацию не собирать, разве только случайно залетит в ухо. Что-то вроде первого свидания в стародавние времена, когда даже взяться за руки считалось невероятной дерзостью. Даже в мыслях не смей прикасаться, просто стой и смотри. Это на самом деле очень полезно, дразнит, возбуждает и радует, словом, создает рабочее настроение. А мне того и надо, – весело думал Квитни, с нежностью разглядывая практически безнадежный объект, большую гостиницу с рестораном на широком проспекте, такую неуютную с виду, что даже не хочется заходить; но ему-то, конечно, уже хотелось пробежаться вприпрыжку по тамошним вестибюлям и коридорам, мраморным лестницам, красным коврам.

Очень хорошо.

Из гостиницы вышла немолодая пара, женщина увлеченно говорила, жестикулируя: «...окажется тайной родиной сердца...» Что дальше, Квитни не услышал, но и не надо, перед его глазами уже плясала наглая строчка: «Даже скромный гостиничный номер может оказаться тайной родиной твоего сердца», – ну и все, трындец. Квитни чуть не взвыл от желания немедленно записать высокопарную чушь, лучшую из своих сегодняшних находок, от которой можно будет плясать и куда-нибудь в конце концов выплясать, даже гостиница небезнадежна, че тэ дэ.

Какая молодец эта дама! – благодарно думал Квитни, глядя ей вслед. – И гостиница молодец, что так вовремя из нее эти люди вышли, и весь город, что снова мне нравится, и Джинни, что уговорила меня взять заказ, и я, что недолго кобенился. Но самый большой молодец – кофейня за углом с вывеской-ромбом, вовремя подвернулась, грамотно бросилась мне в глаза.

Взял кофе с карамельным сиропом, который никогда не любил, но сейчас вдруг захотелось чего-то такого, приторно-сладкого, бросил в стакан щедрые чаевые, вышел на улицу, благо здесь, как и во вчерашней кофейне до сих пор не убрали тент и уличные столы. У нас, – думал Квитни, – это обычное дело, но в здешнем климате натурально подвиг, гражданское сопротивление невыносимым обстоятельствам, winter fuck off, хрен зиме. «Хрензиме», – думал Квитни,

заливаясь безмолвным внутренним хохотом, – это должно быть такое специальное ритуальное зимнее блюдо, высокая кухня, например имбирно-водочное консоме.

Желающих сидеть на чересчур свежем воздухе предсказуемо оказалось немного: сам Квитни и еще какой-то мужик в отличном, сразу видно, пальто и с очень странным шарфом на шее. То ли стилизация под рыболовную сеть, то ли никакая не стилизация, а честно куплена в магазине «Все для рыбалки», хрен разберешь этих городских фриков, – с легкой завистью рассуждал Квитни, разглядывая ботинки незнакомца, один обычный, темно-коричневый, второй ярко-желтый, и пытаюсь понять: это изначально была такая пара или чувак сам из разных ее собрал?

В любом случае, отлично смотрится, – одобрительно думал Квитни, который сам всегда хотел примерно вот так одеваться, но понимал, что с его невеликим ростом и хрупким сложением не стоит особо выделяться. Выглядеть переодетой в мужчину девчонкой или внезапно постаревшим школьником – так себе результат.

К счастью, мужик в разномастных ботинках и с рыболовным шарфом не заметил повышенного внимания незнакомца к его гардеробу. Сидел, курил, неторопливо пил кофе и так увлеченно пялился вдаль, словно на стене дома напротив крутили захватывающее кино, видимое только ему одному.

Вдоволь налюбовавшись выдающимся образцом местной уличной моды, Квитни спохватился – кофе остынет! Но вместо стакана взял телефон и записал в заметках: «Тайная родина сердца», – договорившись с собой, что это пока не работа, а просто так, фраза на память. Предположим, я теперь коллекционирую разговоры прохожих на понятных мне языках; кстати, и правда неплохая идея. Много интересного и забавного звучит на улицах, и сразу же забывается – жалко. Никогда не знаешь заранее, что может пригодиться потом, вывести из неприятного ступора, подать идею, сообщить нужное настроение, навести на мысль.

Задумался – о будущей коллекции фраз и предстоящей завтра работе, об одной галерее, двух гостиницах, трех ресторанах, четырех магазинах, которые завтра надо будет так полюбить, что сердце к ночи заносит, но это приятное нытье, как ноги гудят после долгой прогулки, так и сердце после сильной любви. И вдруг заметил, что фрик с сетью на шее повернулся к нему и зачем-то фотографирует телефоном. Хотя, по уму, должно быть наоборот.

Так ему и сказал:

– Должно быть наоборот. Это вас надо фотографировать – с таким-то шарфом! А не самого обыкновенного меня.

Незнакомец смутился; то есть вежливо изобразил смущение, как сделал бы на его месте сам Квитни, чтобы не показаться совсем уж неприятным самодовольным хамлом. Объяснил:

– У вас такое выражение лица удивительное – как будто буквально через минуту возьмете и влюбитесь, но вот прямо сейчас еще все-таки нет – что во мне проснулся художник, мирно спавший черт знает сколько лет. Просто не смог удержаться. Но если вам неприятно, могу стереть.

Ну надо же, как он угадал! – удивился Квитни. И сказал:

– Не надо стирать. Я тоже иногда фотографирую людей на улице, так что все справедливо. Удивительная все-таки штука – круговорот наших рыл в чужих телефонах; иногда ужасно жалею, что невозможно увидеть всю эту невероятную схему, кто у кого рядом с кем хранится, и кого, в каких причудливых сочетаниях сам хранит.

Незнакомец кивнул:

– Тоже об этом думал. Хотел бы я однажды увидеть все свое досье разом. Всех однажды случайно кем-то сфотографированных себя.

– Вас, наверное, страшные миллионы в чужих архивах, – невольно улыбнулся Квитни.

– Ну, миллионы все-таки вряд ли... – незнакомец обернулся к стеклянной витрине кафе и какое-то время внимательно, словно впервые увидел, изучал свое отражение, даже ноги в

разномастных ботинках по очереди выставил из-под стола. Наконец резюмировал: – Да, вы правы, гардероб у меня сегодня вполне ничего. Но я не всегда в таком виде хожу.

С этими словами он встал и пересел поближе. Не на соседний стул, а за ближайший стол. То есть, с одной стороны, резко сократил дистанцию без приглашения, а с другой – проявил деликатность. Квитни такие красивые компромиссы всегда ценил.

Незнакомец достал из внутреннего кармана пальто маленькую синюю флягу, очень красивую и явно заоблачно дорогую, у Квитни на такие вещи глаз был наметан. Сказал:

– Сам терпеть не могу назойливых чужаков, поэтому уже забил в картах Google направление «на хер» и проложил маршрут; неплохие, кстати, места для прогулок, вид со спутника мне понравился, поэтому если пошлете, с удовольствием сразу туда пойду. Но ситуация такова, что вы – мой натурщик, хоть и невольный. А в этой фляге – ваш гонорар. Иными словами, коньяк. Очень хороший. В такую погоду, под кофе – самое то.

Квитни так растерялся, что взял. И даже сделал небольшой глоток.

Сказал, возвращая флягу:

– Спасибо. Действительно очень хороший. Выпил бы больше, но мне завтра работать. А рабочее настроение – хрупкая штука, чем угодно можно его сломать.

Незнакомец серьезно кивнул:

– Да, правда. Кстати, даже вообразить не могу, что у вас за работа. Обычно легко угадываю, а с вами – полный провал.

Спрятал флягу в карман, но не поднялся и не ушел, а напротив, устроился поудобней, достал портсигар, вытянул ноги в разноцветных ботинках и мечтательно уставился – не на Квитни, а куда-то в пространство над его головой; выглядел при этом так расслабленно, словно шаткий стул был шезлонгом, промозглый ноябрь – июлем, а влажный от недавнего дождя тротуар – белым пляжным песком. Наконец сказал:

– Не сердчайте, но в голове почему-то крутится слово «жиголо» – в первоначальном его значении. То есть наемный партнер для танцев. Вот это бы вам подошло! Но вряд ли это действительно ваша профессия. Не в тех мы встретились декорациях. И не в те времена.

Квитни так удивился, что даже не попытался изобразить возмущение. Вместо этого честно сказал:

– Нет, конечно. Но в каком-то смысле все-таки да. «Платный партнер для танцев» – отличная метафора. Просто я танцую не с людьми. А, можно сказать, с самой реальностью. Вернее, с некоторыми ее фрагментами. Кто хорошо себя вел, в смысле за кого заплатили, с тем и буду танцевать.

И рассмеялся, увидев замешательство на лице незнакомца. Больше всего на свете Квитни любил сбивать людей с толку, особенно таких как этот тип, вальяжных обаятельных фриков, привыкших, что с толку обычно сбивают не их, а они.

Сильный великодушен, поэтому он объяснил:

– На самом деле я просто специалист по нативной⁶ рекламе. Считается, что неплохой специалист. Сами, наверное, знаете, рекламную хрень, замаскированную под лирические зарисовки и познавательные статьи, обычно читать невозможно, фальшь так и прет. Но моя рекламная хрень заходит как по маслу. Я способен интересно рассказывать даже про самую скучную чепуху. И умею писать о богатых заказчиках так, словно их заведения, товары и услуги – лучшее, что может случиться с человеком на этой земле. Как будто мне фантастически повезло, случайно встретил нечто прекрасное, и теперь несу человечеству благую весть. Зву-

⁶ *Нативная (естественная) реклама* (от англ. native advertising) – способ рекламы, при котором рекламная информация подается как равноправная часть потока содержательной информации (статьи, видео, радиопередачи и т. п.). Она не похожа на обычную рекламу, поэтому, по замыслу, не должна вызывать у потребителя чувство отторжения. Один из видов естественной рекламы – спонсируемая рекламодателем статья, по форме напоминающая редакционную, с платным размещением посреди основного нерекламного материала.

чит довольно наивно, это я и сам понимаю; тем не менее, мои рекламные тексты работают. И фотографии тоже, хотя я даже близко не профессионал. Действуют даже на критически настроенную публику, которая в курсе, что хвалебные оды всегда пишутся на заказ. Поэтому многие рекламодатели готовы переплачивать вдвое, лишь бы с ними работал не кто-то, а я. От меня больше толку. Потому что мой принцип: сперва полюби объект, а потом о нем рассказывай, почти все равно что; будешь выглядеть простодушным восторженным идиотом, зато всех убедишь. В этом смысле я и правда жиголо: готов полюбить за деньги. Но не притвориться, а действительно полюбить. Ненадолго, конечно, – танец есть танец. Когда музыка умолкает, партнеры, раскланявшись, расходятся по своим углам.

– Круто! – восхитился незнакомец. – Вот спасибо, что рассказали. А то бы я еще долго мучился, прикидывая, кто вы.

– Что, правда бы мучились?

– А то. Я любопытный. И избалованный в этом смысле. То есть привык все про всех сразу понимать. Но до любви по заказу ни за что бы не додумался. В голове не укладывается! В первую очередь, тот факт, что у вас получается. Мне даже статей ваших читать не надо, и так вижу: действительно получается, не врите. У людей, которые знают, что делают, ясно видят и трезво оценивают результат, есть такой особый уверенный блеск... ну, предположим, в глазах. Хотя на самом деле во всем человеке сразу. Не знаю, как лучше объяснить.

– Я, наверное, понимаю, – невольно улыбнулся Квитни. – У вас, кстати, этот блеск тоже есть.

Незнакомец серьезно кивнул и уставился на Квитни с таким неподдельным обожанием, что тот окончательно растаял. И сказал, хотя подобные вещи о себе обычно никому не говорил:

– Когда-то, как в таких случаях принято выражаться, много жизней назад, я был поэтом; думаю, что довольно хорошим, до сих пор ни за одну строчку не стыдно. Правда, потом перестал. Вернее, оно само перестало со мной происходить. Говорят, художники бывшими не бывают; может, оно и так, зато бывших поэтов – полно. Это я к тому говорю, что влюбляться по заказу именно тогда наловчился. Только заказчиком был тоже я сам. Пока не влюбишься, ни черта не напишешь; по крайней мере, у меня было так. А влюбиться естественным образом не каждый день получается; к тому же, почти всегда есть опасность, что могут сразу ответить взаимностью, и тогда на какое-то время станет совершенно не до стихов. Так что поневоле пришлось научиться себя накручивать до нужного состояния, заранее выбрав безопасный объект, которому ты на фиг не сдался. Кстати, не обязательно именно человека. Можно влюбиться в сорт кофе, ботинки в витрине, заброшенный дом, яхту, трамвай, в целый город, в теплый юго-западный ветер, в Средиземное море, в июльский дождь. Это на самом деле довольно просто, когда любишь жизнь в целом. Кого, да и что угодно можно назначить ее представителем. И поверить себе.

– Круто! – снова повторил незнакомец. – Отличный метод. Спасибо, что рассказали. Я теперь ваш должник. Давно меня так люди не удивляли. Уже даже как-то отвык; сам, конечно, дурак, надо чаще расспрашивать, не полагаясь на свою великую проницательность, которой в базарный день грош цена... А знаете что? Давайте я сделаю вам подарок!

Снова достал из-за пазухи свою синюю флягу и положил перед Квитни на стол. Объяснил с серьезным, почти строгим видом, словно инструктировал перед парашютным прыжком:

– Это на самом деле вовсе не такая мелочь, как кажется, а совсем неплохой гонорар. Вы сейчас все равно не поверите, так что даже стараться не стану, неблагодарная это работа – словами убеждать. Но в какой-то момент сами заметите и удивитесь, что коньяк в такой маленькой фляжке все не заканчивается и не заканчивается, хотя давно пора. А однажды начнете подозревать, что он вообще никогда не закончится. Не пугайтесь, это нормально, так и задумано. Просто его здесь не стакан, не пинта, даже не галлон, а целая бездна. Моя любимая единица измерения объема твердых, сыпучих, жидких и газообразных тел. Особенно жидких, конечно,

тут ничего не поделаешь: их обаяние сокрушительно действует на меня. Говорю это не затем, чтобы вам отомстить, сбив с толку еще сильнее, чем вы сбили меня, а исключительно для того, чтобы призвать к осторожности: никогда не пытайтесь осушить эту флягу до дна. Я один раз попробовал, еле жив остался, причем поначалу был этому не то чтобы рад. Наутро с похмелья спалил кастрюлю с овсянкой. Да что там кастрюля, собственный дом от меня с перепугу аж за реку тогда сбежал.

– Не... – начал было Квитни. Хотел сказать: «Не надо подарков, зачем мне подарки», – но почему-то в самом начале запнулся и умолк.

– Не хотите, можете не брать, никто не заставит, – вздохнул незнакомец. – Оставьте на столе, я потом заберу. И обижаться не стану. Я вполне осознаю, насколько нелепо с вашей точки зрения все это выглядит и звучит.

В этот момент, видимо для повышения градуса нелепости, иначе не объяснить, на голову незнакомца села морская чайка – очень крупная, с мощным клювом, ярко-желтым, как раз под цвет ботинка; такие здесь вроде не водятся. Но выходит, все-таки водятся? Например, залетают по дороге на юг.

Пока раздумывал о путях миграции перелетных птиц, оба – и человек, и чайка – исчезли. Только что были, и – хлоп! – не стало, как в детском фильме про волшебство. Однако синяя фляга осталась, видимо специально, из вредности, чтобы не дать Квитни возможности решить, что задремал за столом, набегавшись, объявить происшествие сном и махнуть на него рукой. От доказательства не отвертись, вот оно.

Впрочем, фляга могла лежать на столе все это время, – подумал Квитни. – То есть она-то как раз вполне может быть правдой, вне зависимости от всего остального. Хорошая, красивая вещь. Грех такую бросать на улице, все равно кто-нибудь стащит. Лучше уж я заберу.

Открыл изящную пробку, понюхал – и правда, отличный коньяк. Осторожно попробовал на язык – точно, тот самый, который приснился. Или все-таки не приснился, а был.

Сказал, кривляясь, благо рядом ни одного свидетеля:

– Гонорар-гонорар, я тебя выпью!

Но не сегодня. Через четыре дня. Или через три, если хорошо пойдет дело. А оно, чует мое сердце, теперь отлично пойдет, – думал Квитни. – Некоторые нелепые уличные сновидения весьма способствуют созданию рабочего настроения. Жаль, что нельзя их себе нарочно устраивать, планировать наперед.

Дома, то есть в гостинице, набрался храбрости и выпил полную рюмку дареного коньяка. Сидел потом на подоконнике, курил сигарету, тщательно выдыхал дым строго на улицу, чтобы не заверещала гостиничная сигнализация, смотрел в ночное небо над городом, сегодня почти целиком залитое ярким синим, невыносимо холодным светом, насмешливо думал: если это и правда реклама, что, интересно, так рекламируют? Мощность современных электроприборов? «Видели свет в конце тоннеля? Этот прожектор куплен у нас!» А может, успокоительные таблетки? «После полного курса даже этот свет перестанет вас раздражать». Или ладно, чего мелочиться, сердце Благословенного Вайрочаны они рекламируют. Это же вроде бы именно Вайрочана светится синим в Бардо? Если, конечно, не путаю⁷. Слишком давно это все читал. Но кстати божественный свет, отпугивающий покойников с хреновой кармой, там как-то так и описывали: «яркий, резкий и ясный». Получается, даже полезно тарашиться на этот ужас, сколько нервы выдержат. Чтобы заранее привыкать.

⁷ Квитни, как ни странно, не путает. Согласно «Тибетской Книге мертвых», именно из сердца Будды Вайрочаны на умершего изливается «яркий, сверкающий, резкий и ясный синий свет высшей мудрости», обычно пугающий, вызывающий желание от него убежать.

Идея заранее привыкнуть к будущему божественному свету так понравилась Квитни, что он чуть не выпил вторую рюмку – за предстоящие блуждания в Бардо. Ну или просто на радостях. Но вовремя остановился. Вайрочана, при всем своем божественном милосердии, завтра за тебя работать не станет, так что давай без приятных излишеств. Потом. Все потом. Тем более, ты сейчас и так как-то подозрительно избыточно счастлив. Чего доброго, в таком настроении до утра не заснешь.

Уже после полуночи, лежа в постели, взял телефон и записал в заметках при свете тусклого, как белое пламя дэвов⁸ гостиничного ночника:

«Все что угодно может оказаться путем на тайную родину сердца: кофе, коньяк, назойливый незнакомец в разноцветных ботинках, даже невыносимый холодный синий электрический свет».

Перечитав, спохватился: чушь, при чем тут какой-то свет и незнакомец в ботинках, я же хотел записать про гостиничный номер! Но строчку не вычеркнул. Сегодняшний день закончился только формально, рано пока работать. Пусть хотя бы до завтра останется запись про свет.

⁸ Согласно все той же «Тибетской Книге мертвых», мягкий белый свет мира дэвов появляется перед умершим одновременно с ярким синим светом Будды Вайрочаны и зачастую сбивает его с правильного пути.

Я

– Смотри, – говорю, – ты только посмотри, что творится! А ты еще спрашивал, много ли толку от новых открытых Путей, – и буквально повисаю на Стефановом плече, чтобы ветер не разлучил нас до срока, такой уж сегодня выдался день, я почему-то вешу хорошо если пару кило, того гляди, улечу, как воздушный шар, со мной иногда бывает; до сих пор, кстати, не понял, с чем именно это связано. Нёхиси говорит, с радостью, но при всем уважении к этой версии, радуюсь я все-таки гораздо чаще, чем становлюсь таким невесомым, что впору ходить, набив карманы камнями... а кстати, мысль.

Стефан укоризненно качает головой; это, скорее всего означает: «Ты хотя бы для виду земли ногами касайся, люди же мимо ходят, эй», – но внимательно смотрит на толстую коротко стриженную девочку лет тридцати с, как говорят в подобных случаях, хвостиком, в серебристом пуховике, которая сидит прямо на мокрых ступенях, на вершине холма, то есть в самом начале Онос Шимайтес, моей любимой улицы-лестницы, и зачарованно пялится вдаль; уж я-то знаю, что она там сейчас видит вместо автомобилей, проезжающих по Майронё, вместо стремительной узкой речки, голых черных деревьев и черепичных крыш. И Стефан, конечно, знает, еще бы ему не знать, но я все равно говорю, просто никаких сил нет молчать:

– Прикинь, Птичья площадь ей показалась. И старинный, приморский по замыслу и изначальному положению, храм Примирений, бывшее святилище Неизвестных Богов, пережившее без особых изменений сколько-то там этих их совершенно мне непонятных Исчезающих Империй. Что, если я правильно уяснил из Кариных рассказов, для архитектурных сооружений большая редкость, они изменяются в первую очередь и сильнее всего остального... Ай, неважно, в прихотливых законах природы нашей изнанки черт ногу сломит, а мне никак нельзя без ноги. Главное, девочка смотрит сейчас на собор Примирений, окруженный сияющими строительными лесами; нам-то ясно, что там просто обычный осенний косметический ремонт, и подсветка нужна для удобства мастеров, но для неподготовленного человека потрясающее должно быть зрелище: какой-то фантастический огненный лабиринт над рыночной площадью, которой, впрочем, здесь никогда раньше не было, вообще ничего похожего, – а-а-а, так это, получается, сон? И шиплет себя за руки до синяков – ой, мама, не сон! Я бы на ее месте, конечно, уже с холма кувырком катился, лишь бы туда, вперед, тушкой или чучелом, любой ценой, но сидеть, затаив дыхание, с места бояться сдвинуться, чтобы не вспугнуть чудесное видение, смотреть во все глаза и благодарно молиться неизвестно кому: «Пожалуйста, господи, пусть эта красота всегда будет, все равно, для кого она и зачем!» – тоже вполне ничего. Даже немного завидно, хотя в моем положении глупо завидовать человеку, который по открывшемуся Пути прогуляться не может, только сидеть и смотреть. Но почему-то завидно все равно.

– Потому что прорва ты ненасытная, – ухмыляется Стефан. – Лишь бы захватить, чего тебе не положено, всегда таким был.

– Ну потому и нахапал в итоге больше, чем целый мир может вместить. Вселенная, как выяснилось на практике, чертовски щедра. Каждый в итоге получает соразмерно своим аппетитам... при условии, что в процессе раздачи каким-то чудом остается в живых.

– Правда твоя, – серьезно кивает Стефан. – Каждый получает соразмерно своим аппетитам, при условии, что отважится взять и сумеет выжить с этим подарком. Я сейчас, знаешь, очень доволен, как в итоге вышло с Путиами. Когда разрешил тебе их открыть, от ужаса мысленно присел и зажмурился, заранее представляя, что сейчас начнется в городе, и сколько спасательных экспедиций нам придется ежедневно отправлять – добро бы если только на Эту Столону, но ведь и еще хрен знает куда. А оказалось, мало кто способен целиком перейти в другую реальность даже нараспашку открытым Путем. То есть, по большому счету, способен-то всякий, просто почти никто не готов. Поэтому замирают на месте или садятся и смотрят, не веря

своим глазам, на открывшиеся им удивительные пространства. Для пользы дела более чем достаточно: таким чудесным видениям почти невозможно верить, но и забыть не получится, так что будут помнить как миленькие, горевать, что не сбудется, любить. И тосковать, пока живы, будут не хуже, чем тосковали по дому люди-мосты. А нам почти никакой работы: того, кто никуда не ушел, и домой возвращать не нужно. Идеальный вариант! Но о тебе я начал беспокоиться – с каких это пор ты стал такой осторожный и милосердный к людям? С какого вдруг перепугу? Часом, не заболел? Но твоя формула все объясняет. Оно само так происходит, не по твоей воле. Каждый получает соразмерно своим аппетитам, а всерьез изголодавшихся по чудесному все-таки мало. Чудо – не успех, не деньги и даже не еда.

– Я поначалу натурально пришел в ярость, когда понял, что большинству людей достаточно просто увидеть нечто невероятное, открыть рот, похлопать глазами, перекреститься и убежать, даже не попробовав подойти и пощупать, – признаюсь я. – Но потом подумал...

– «Пришел в ярость, а потом подумал» – вся правда про тебя, – ухмыляется Стефан.

– Ну знаешь, могло быть и хуже, – рассудительно говорю я. – То есть никакого тебе «подумал». Никогда. А со мной «подумал» довольно часто случается. Примерно по числу чашек кофе – когда его пьешь, больше как-то особо нечем заняться, поневоле приходится размышлять обо всем на свете. А кофе я часто пью.

– Это нам всем повезло.

– Еще бы. В общем, я сел и подумал. И решил, что не надо слишком много требовать от людей. Они не такие, каким был я сам, и тут ничего не поделать. Мало кому везет сразу родиться психом, которому с детства неизвестно что подавай, да побольше, немедленно, любой ценой. Обычно человеческий голод по чуду гораздо слабее. Но он все-таки у каждого есть. А с этим уже вполне можно работать. Всякий, кто разжигал костер, или топил печку, знает, что огонь разгорается постепенно, если вовремя подкидывать дрова. В общем, я хочу сказать, что «много работы» вовсе не означает «безнадежная игра».

– Похоже, ты хлещешь кофе ведрами, – уважительно говорит Стефан. – Я имею в виду, часто думаешь. Какой-то подозрительно умный стал. По этому поводу предлагаю немедленно выпить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.